

Дипломатия Советского Союза на Тегеранской конференции (28 ноября — 1 декабря 1943 г.)

И. Э. Магадеев*

Рузвельт и Черчилль, как известно, давно приглашали Сталина на встречу втроем¹. Однако только теперь, после коренного перелома в ходе войны советский лидер почувствовал себя достаточно уверенным, чтобы принять это приглашение. За ним уже стояли великие военные победы, возросшая мощь и авторитет советского государства, позволявшие рассчитывать на успешное отстаивание интересов СССР.

К ноябрю 1943 г. было очевидно, прогнозы некоторых британских и американских аналитиков о том, что наступление Красной Армии замедлится после летних успехов, не оправдались. Освобождение Киева (6 ноября) расценивалось в Лондоне как «впечатляющая операция, результаты которой могут быть крайне серьезны для противника... Успехи русских на протяжении трех последних недель продемонстрировали, что немцы не смогут удержать линию, на которой они планировали закрепиться»². В британской прессе восторженно писали о победах Красной Армии и ее умелом командовании³.

Эти победы означали не только дальнейшее продвижение советских войск по направлению к Восточной и Центральной Европе, но перечеркивали возможность провести конференцию со Сталиным в период тяжелых боев на Днепре, что могло сделать Москву могло уступчивой⁴. 14 ноября премьер-министр Южно-Африканского союза фельдмаршал Я. Смэтс, близкий друг Черчилля, нередко мысливший с ним в унисон, писал британскому премьеру: «Москва устраивает салюты в честь великих побед почти ежедневно, в то время как наши достижения заставляют людей думать, что Россия одна выигрывает войну. Последствия этого могут быть достаточно серьезными для хода войны, но еще более серьез-

ными — для послевоенного мира, в котором Россия выступит в качестве великого победителя»⁵.

Сталину принадлежало и предложение о месте созыва конференции. В посланиях Черчиллю и Рузвельту от 8 сентября Сталин соглашался со сроками предполагаемой встречи, указанными ранее Рузвельтом, но в качестве места ее проведения впервые предлагал «страну, где имеется представительство всех трех государств, например Иран». Черчилль быстро согласился и вскоре предложил кодовое название для встречи («Эврика»). Рузвельта, однако, вариант Тегерана не устраивал. Ссылаясь на необходимость подписания (в течение 10 дней) документов, поступивших из Конгресса, он призывал Сталина перенести место встречи в Египет или Асмару (бывшую столицу итальянской Эритреи), либо, после подсказки Черчилля, в Хаббанию близ Багдада⁶.

Для Сталина выбор Тегерана был весьма удобен. С одной стороны, соглашаясь покинуть пределы СССР, он делал шаг навстречу союзникам. С другой, организация конференции в соседнем Иране не требовала длительного перелета и многодневного отсутствия в Москве; это было место, где он мог быть уверен в собственной безопасности, где ситуация контролировалась советскими военными органами и могла быть обеспечена надежная связь со Ставкой. О том, что тегеранский вариант стал рассматриваться в Кремле достаточно рано, свидетельствует ряд косвенных фактов. Как пишет О. А. Ржешевский, «в августе в иранскую столицу направилась группа специалистов советских органов госбезопасности с целью выяснить условия, необходимые для проведения конференции и обеспечения безопасности ее участников»⁷. 15 октября в Тегеран прибыл 131-й мотострелковый полк погранвойск НКВД, присту-

* Искандэр Эдуардович Магадеев — к.и.н., старший преподаватель кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У) МИД России.

павший к патрулированию улиц, охране советского посольства и комендатуры, других важных объектов, «а затем и зданий, где непосредственно проходила Тегеранская конференция»⁸.

В итоге, Рузвельт согласился на Тегеран только 8 ноября. В послании Сталину он сослался на то, что нашел способ, как избежать рисков со сроками подписания документов. Говоря о времени проведения конференции (предлагался промежуток с 27 по 30 ноября), Рузвельт фактически передавал «ключи» в руки Сталина: «Мы... будем совещаться столько, сколько Вы сочтете возможным находиться в отъезде». Одновременно президент приглашал Молотова и советского военного представителя на конференцию в Каир (22–26 ноября), но при этом рукой Гопкинса из послания была вычеркнута фраза об участии в данной конференции Чан Кай-ши⁹. Показательно, что на сей раз Рузвельт и его командование в этом вопросе преодолели сопротивление Черчилля, который был настроен резко против приглашения советских представителей в Каир. Однако Рузвельт и Маршалл настояли на этом с тем, чтобы показать, что союзники «ничего не прячут от России»¹⁰. Сталин поначалу согласился принять это приглашение, но когда он узнал от Черчилля о планируемом китайском участии, это согласие было взято назад. Как писал Иден Черчиллю 14 ноября, «... возможное присутствие Чан Кайши в Каире спугнуло Молотова»¹¹.

Готовясь к встрече с Рузвельтом и Черчиллем, Сталин хотел заранее знать повестку дня конференции. Это отвечало не только общей настороженности советской дипломатии по отношению к капиталистическим государствам, но и личному подходу Сталина. По одному из воспоминаний, «он вообще очень тщательно готовился к любому разговору. У него была справка по любому обсуждаемому вопросу», он «владел предметом разговора досконально»¹². Однако, как поспешил проинформировать Молотова Гарриман, в прошлом встречи между Рузвельтом и Черчиллем «проходили в весьма неофициальной обстановке. Не было никакой повестки дня. Президент и премьер-министр давали возможность своим военным советникам вести переговоры и приглашали их тогда, когда нужно было выносить решение». Молотов возражать не стал¹³. Даже согласившись на подобный сценарий, Сталин терял не так уж много. Фактически он обладал карт-бланшем по вопросу о сроках своего пребывания в Тегеране и при необходимости мог всегда уехать. Кроме того, недавно прошедшая Московская конференция уже очертила примерный круг вопросов, которые могли быть затронуты на встрече лидеров.

Несмотря на отсутствие повестки дня будущей конференции, было ясно, что советская сторона обязательно поднимет вопрос об открытии второго фронта весной 1944 г. Еще в период Московской конференции налицо было стремление НКВД зафиксировать сроки «Оверлорда». В советском проекте

решения по данному вопросу подчеркивалось, что «советская делегация ... выразила надежду, что указанный г-ном Иденом и г-ном Хэллом план вторжения англо-американских войск в Северную Францию весной 1944 г., будет осуществлен»¹⁴.

Англо-американская операция на севере Франции отвечала как общей заинтересованности союзников в разгроме Германии, так и интересам СССР. При таком сценарии была бы создана реальная угроза жизненным центрам Германии, отвлечены германские силы с фронта войны с СССР. Одновременно это позволило бы реализовать интересы Советского Союза в сфере безопасности в Восточной и Центральной Европе. Как следовало из документов комиссии Ворошилова, по окончании войны советские вооруженные силы (по документам о капитуляции соответствующих государств) должны были занять территорию Финляндии, Румынии, Венгрии, принять участие в оккупации Германии¹⁵.

В преддверии Тегеранской конференции, концепции дальнейшего ведения войны, разработавшиеся в Москве и Вашингтоне, были явно ближе друг к другу, нежели те, что держал в уме Черчилль. По словам А. Ю. Борисова, «вырисовывалась значительная область советско-американского согласия»¹⁶. Во время совещаний на борту линкора «Айовы», на котором Рузвельт переплыл Атлантический океан по пути на встречу с Черчиллем и Чан Кай-ши в Каире, президент, размышляя о политических последствиях открытия «второго фронта», говорил: «Пусть британцы берут Францию, Люксембург, Бельгию, Баден, Баварию и Вюртемберг... Соединенные Штаты должны занять северо-западную Германию Мы можем ввести наши корабли в такие порты, как Бремен и Гамбург, а также в [порты] Норвегии и Дании, и мы должны дойти до Берлина. Тогда пусть Советы занимают территорию к востоку от него. Но Берлин должны взять Соединенные Штаты»¹⁷. Однако для осуществления подобных планов необходимо было серьезное американское военное присутствие в Западной Европе. Именно его операция «Оверлорд» и позволяла осуществить.

Позиция Великобритании была иной. Осенью 1943 г. Черчилль видел, как США наращивают свою мощь, как Рузвельт и американское командование все более настойчиво продавливают вариант «Оверлорда»; все яснее становилось и превосходство американских сил при проведении этой операции. В этой обстановке Черчилль пытался придать максимально возможный приоритет тому театру военных действий, на котором Великобритания сохраняла превосходство — итальянскому. Продолжение итальянской кампании с занятием Рима и закреплением на линии По-Римини дало бы еще одно преимущество — возможность развернуть дальнейшие военные действия на восток, организовать «правофланговое наступление из северной Италии, используя Истринский полуостров и Люблянский проход на Вену»¹⁸.

Привлекал премьер-министра и балканский сценарий дальнейшего развития событий. Во время совещания с начальниками штабов 18 ноября на Мальте Черчилль подчеркивал: «Новые усилия должны быть предприняты, чтобы установить контроль в Адриатике... если наши операции в иных частях Средиземноморья вызовут задержку во взятии Рима, они должны быть отложены. Представляется, что военное командование должно провести операции на Балканах. СОЕ проделало хорошую работу в организации саботажа и подрывных действий, но эта фаза уже пройдена»¹⁹. В случае успехов планов Черчилля, высадка англо-американских войск на Балканах и их присутствие в Юго-Восточной Европе, став «детонаторами» внутривосточных изменений в странах «оси», преградили бы путь на запад советским войскам. С точки зрения Лондона, это бы не только сэкономило британские силы, но и сократило влияние Советского Союза.

Сталин прибыл в Тегеран 26 ноября, Рузвельт и Черчилль днем позже. Важным организационным моментом, оставшимся пока нерешенным, был вопрос о том, где остановится Рузвельт на время конференции. В то время как советское и британское посольство стояли вплотную друг к другу, американская миссия находилась в удалении, что создавало проблемы, связанные с постоянным передвижением по городу. Еще 22 ноября в послании Сталину президент задал вопрос: «Где, по Вашему мнению, должны мы жить?», — словно намекая на возможность приглашения с советской стороны. Черчилль хотел перехватить инициативу, предложив Рузвельту остановиться в британском посольстве и оповестив об этом Сталина.

Однако президент не желал упускать возможность установить личный доверительный контакт со Сталиным и в тайне зондировал почву для переезда в советскую резиденцию через своих представителей в Тегеране²⁰. После некоторых переговоров Рузвельт с готовностью согласился принять приглашение советской стороны, подтвержденное Молотовым Гарриману в ночь с 27 на 28 ноября. Нарком подчеркнул угрозу, связанную с возможными враждебными актами в отношении руководителей трех государств, в случае их перемещения по городу²¹. В 15 ч. 28 ноября Рузвельт переехал в главное здание посольства СССР (советская делегация расположилась в других зданиях на его территории). В разговоре с Ворошиловым в тот же день до начала открытия самой конференции, Рузвельт настраивал собеседника на позитивный лад, заявив об уверенности в успехе конференции. Президент отметил, что «чувствует себя в советском посольстве не только в абсолютной безопасности, но так же чувствует, что здесь, в этом зале мы примем такие важные решения, которые принесут огромную пользу для союзников». Ворошилов ответил в том же позитивном духе, заметив, что «вопрос о его безопасности не может даже стоять, и он

может чувствовать себя здесь, как дома...»²². Таким образом, еще до официального открытия конференции Сталин получил немаловажное преимущество — возможность двусторонних встреч с Рузвельтом при отсутствии Черчилля.

Все участники понимали, что вопрос об открытии «второго фронта» будет ключевым на Тегеранской конференции. И советская и американская сторона осознали, что главное противодействие может исходить от Черчилля. Беседуя с премьер-министром до начала официального открытия конференции, Ворошилов сообщил ему о непростоном положении на советско-германском фронте. По результатам разговора советский военачальник записал: «Да, да я это знаю, заявил Черчилль, мы должны все сделать и сделаем, чтобы облегчить положение ваших армий, ведь мы понимаем, в каком мы долгу у Вас, сквозь слезы (крокодиловы) проговорил Черчилль, протягивая мне руку»²³.

Первое заседание конференции 28 ноября начал Рузвельт, «как самый молодой из присутствующих». После обзора ситуации на Тихоокеанском театре военных действий Рузвельт поставил вопрос, напрямую связанный со «вторым фронтом»: как использовать англо-американские войска в Средиземном море, учитывая невозможность проведения высадки во Франции ранее 1 мая 1944 г.?

В своем ответе «Верховный» дал, по более поздним словам Иден «крайне интересный обзор ситуации на русском фронте»²⁴, подчеркнув масштаб происходивших сражений (со стороны Германии и сателлитов в них принимали участие 260 дивизий, со стороны СССР — от 300 до 330), а также сложности, с которыми сталкивалась Красная Армия: потерю Житомира (19 ноября) и Коростеня (25 ноября). Затем Сталин ясно расставил приоритеты: итальянский театр имеет вспомогательное значение (обеспечение свободного плавания по Средиземному морю), главное — «удар по врагу в Северной или в Северо-Западной Франции. Даже операции в Южной Франции были бы лучше, чем операции в Италии»²⁵.

Черчилля подобные перспективы не устраивали. Указывая на имеющийся до планируемого начала «Оверлорда» промежуток времени, он предлагал использовать его для захвата Рима (что должно было, согласно его расчетам, произойти в январе) и продвижения до линии Пиза-Римини. Отсюда можно было предпринимать высадку в Южной Франции, осуществлять рейды в Югославию, увеличилась при этом возможность вступления в войну Турции. Хотя среди всех этих операций Черчилль упомянул и «Оверлорд», но он явно терялся среди других предложенных вариантов.

Сталин как раз на это и обратил внимание: «По-моему, было бы лучше, чтобы за базу всех операций в 1944 году была взята операция „Оверлорд“ ...». В Италии же глава советского правительства предлагал перейти к обороне, «отказавшись от захвата Рима»

и начать операцию в Южной Франции. К концу первого заседания ключевая проблема выявилась достаточно рельефно. Черчилль заявил, что считает «очень отрицательным фактом пустое пребывание нашей армии в районе Средиземного моря. Поэтому мы не можем гарантировать, что будет выдержана точно дата 1 мая». Учитывая вышеприведенные размышления британского премьера, можно было судить о том, что новая отсрочка «Оверлорда» на деле означала бы разворот стратегии в стороны от Северной Франции на Балканы и в Центральную Европу. Фактически, за, казалось бы, частным вопросом о дате начала «Оверлорда» стала скрываться ключевая проблема, касавшаяся как дальнейшей стратегии ведения войны, так и определения очертаний послевоенного мира.

Обсуждение проблемы «второго фронта» продолжили 29 ноября военные представители. Начальник британского Генштаба генерал А. Брук развил рассуждения, ранее высказанные Черчиллем: необходимо использовать имеющийся до начала «Оверлорда» промежуток времени для активных военных действий в Италии с перспективой операций и на Балканах. Его американский коллега генерал Дж. Маршалл указал на проблемы, связанные с недостатком десантных судов — тема, уже хорошо знакомая советским военным. В своем выступлении Ворошилов поставил вопрос ребром: «... из доклада генерала Маршалла он понял, что американцы считают операцию „Оверлорд“ основной операцией, считает ли генерал Брук... эту операцию также главной операцией...». По воспоминаниям одного из переводчиков советской делегации, В. М. Бережкова, «резкость постановки этих вопросов вызвала в зале некоторое замешательство»²⁶. Британский военачальник ушел от прямого ответа, еще раз подчеркнув роль военных действий в Италии. Когда Ворошилов повторил свой вопрос, диалог стал в чем-то напоминать их «пикировку» год назад, в августе 1942 г. в Москве²⁷. Было ясно, что необходимо достигнуть принципиального политического решения, исходя из которого бы, и происходило планирование военных операций.

В промежутке между заседанием военных представителей и новой встречей глав правительств произошла церемония передачи почетного меча — дара короля Великобритании Георга VI гражданам Сталинграда в ознаменование героической обороны города. Задуманная британцами еще давно (Иден говорил о ней Молотову и Сталину во время Московской конференции²⁸), на данной стадии Тегеранской конференции она еще раз подчеркнула решающий вклад СССР в войну с общим противником.

На таком фоне началось второе заседание глав правительств 29 ноября. Сталин, как и ранее Ворошилов, решил напрямую выяснить главное, оставляя детали в стороне: «Если можно, то я хотел бы получить ответ на вопрос о том, кто будет назначен командующим операцией „Оверлорд“». Ответ Рузвельта: «Этот вопрос еще не решен», — явно разоча-

ровал Сталина, усматривавшего в этом неготовность союзников к разработке операции. Черчилль, встревоженный возможностью советского вмешательства в это вопрос, напрямую спросил Сталина, кого он хотел бы видеть на посту главнокомандующего этой операцией²⁹. Сталин, однако, дал понять, что «русские не претендуют на участие в назначении главнокомандующего, но русские хотели бы знать, кто будет главнокомандующим». Подобный ответ, как отмечал Бережков, явно приободрил Черчилля³⁰. Используя все свое красноречие, он начал развивать ранее высказанные мысли. Силы, находящиеся в Средиземноморье, не должны «простаивать» ожидая «Оверлорда», их можно применить для самых разных целей: в Италии, для захвата Родоса, в Южной Франции. Черчилль, прибегая к излюбленной британской дипломатической практике, предлагал передать часть вопросов в военную комиссию, часть — на обсуждение Молотова, Идена и Гопкинса. Сталин мог увидеть за всем этим отвлекающие маневры, стремление уйти от обсуждения главного. Поэтому он четко расставил приоритеты, заявив, что «не нужно никакой военной комиссии. Мы можем решить все вопросы здесь, на совещании. Мы должны решить вопрос о дате, о главнокомандующем и вопрос о необходимости вспомогательной операции в Южной Франции»³¹. Затем Сталин перешел в наступление, подвергнув сомнению правильность британских данных по германским силам на Балканах и пригрозив возможностью своего скорого отъезда. После того как Черчилль заявил, что не может дать обязательства о проведении «Оверлорда» в мае 1944 г., Сталин прозрачно намекнул: «Сколько времени мы намерены оставаться в Тегеране?». За этой фразой официального протокола вполне могла стоять и более красочная сцена: «Сталин резко поднялся с места и, обращаясь к Молотову и Ворошилову, сказал: — Идемте, нам здесь делать нечего. У нас много дел на фронте...»³². В итоге обстановку разрядил Рузвельт, однако его слова скорее указывали на согласие с логикой Сталина, чем Черчилля: «Я возражаю против отсрочки операции „Оверлорд“, в то время как г-н Черчилль больше подчеркивает важность операций в Средиземном море». В итоге было решено, что Рузвельт и Черчилль согласуют свои точки зрения и сообщат их Сталину; комиссия в составе министров иностранных дел и Гопкинса рассмотрит тем временем ряд поднятых на заседании вопросов.

Заседание ОКНШ, на котором должны были быть согласованы точки зрения британцев и американцев, состоялось утром 30 ноября. Они сошлись на 1 июня как дате начала операции по высадке в Северной Франции. Проект решения был отправлен Рузвельту, который собственноручно исправил слова о начале «Оверлорда» «к 1 июня» на «в течение мая»³³. Он предпочел несколько приукрасить решение ОКНШ, нежели рисковать новым туром дискуссий со Сталиным.

В результате принятых ОКНШ решений Рузвельт днем 30 ноября во время ланча смог «сообщить маршалу Сталину приятную для него новость» о том, что «Оверлорд» намечен на май 1944 г. и будет проведен «при поддержке десанта в Южной Франции». Сталин выразил свое удовлетворение данным решением («большое удовлетворение», согласно американской записи³⁴) и заверил Рузвельта и Черчилля, что «к моменту начала десантных операций во Франции русские подготовят сильный удар по немцам». Мысли, высказанные во время этой неофициальной беседы, были повторены в тот же день на официальном заседании конференции. Сталин был явно доволен тем, что по главному вопросу ему удалось достичь своей цели. Свидетельством тому стало не только выраженная им готовность задержаться в Тегеране до 3 декабря для обсуждения политических вопросов, но и предоставленная информация о методах дезинформации противника, которые использовала советская разведка. В итоге, в военных решениях конференции указывалось, что «операция „Оверлорд“ будет предпринята в течение мая 1944 г., вместе с операцией против Южной Франции... советские войска предпримут наступление примерно в это же время с целью предотвратить переброску германских сил с восточного на западный фронт». По сути, речь шла о новом этапе коалиционной войны с более тесной, чем прежде, координацией военных действий трех государств: «... военные штабы трех держав должны отныне держать тесный контакт друг с другом в отношении предстоящих операций в Европе».

Решение о согласовании сроков проведения «Оверлорда» косвенно также получило отражение в формулировке «Декларации трех держав», которая должна была продемонстрировать немцам и мировому общественному мнению единство союзников: «Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут приняты с востока, запада и юга»³⁵.

Большинство исследователей отмечают, что окончательное решение об «Оверлорде» было принято в Тегеране под совместным нажимом Сталина и Рузвельта на их основного оппонента Черчилля. Как следует из телеграммы по итогам Тегеранской конференции, оценки советской делегации были несколько иными: «Вначале Черчилль и Рузвельт отказывались назвать срок начала операции „Оверлорд“... Рузвельт, хотя и прямо не поддержал Черчилля в отношении операций в Средиземном море, но также указал, что из-за недостатка десантных средств „Оверлорд“, возможно, придется отложить... В результате обсуждения этого вопроса и после нажима с нашей стороны Черчилль и Рузвельт заявили, что операция „Оверлорд“ будет предпринята в точной установленный месяц весной 1944 года...»³⁶. Таким образом, основным фактором в принятии итогового решения считалась не советско-американское давление на Черчилля, а нажим Сталина на Рузвельта

и Черчилля. Решающую роль советского руководителя в этом ключевом вопросе признавали и американские деятели. Так, в декабре 1943 г. военный министр Г. Стимсон записал в своем дневнике: «Чем больше я изучаю записи конференции и размышляю об этом, тем яснее становится, что Иосиф Сталин спас положение с Оверлордом и всем тем, за что выступало американское командование»³⁷.

С проблемой второго фронта были непосредственно связаны еще два вопроса, обсуждавшиеся в Тегеране. Первый из них касался Японии. Несмотря на, казалось бы, далекие друг от друга проблемы «Оверлорда» и войны в Тихом океане, в Москве понимали их фактическую взаимосвязь³⁸. Сталин хорошо знал о том, что при личной встрече Рузвельт может поставить вопрос об участии СССР в войне с Японией. Об этом еще 19 июля в Москву писал Громыко, передавая содержание разговора с Гопкинсом³⁹.

О том, что СССР был готов пойти навстречу американским пожеланиям, учитывая как собственные интересы на Дальнем Востоке, так с целью ускорить открытие «второго фронта» в Европе свидетельствовало еще неформальное заявление Сталина Хэллу во время Московской конференции. В Тегеране глава советского правительства уже 28 ноября подчеркнул, что вступление СССР в войну с Японией «может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать». Это заявление Черчилль при личной встрече со Сталиным 30 ноября назвал «историческим» — такая реакция премьер-министра в немалой степени была связана с тем, что британское руководство не ожидало, что Москва сама поднимет в Тегеране вопрос о войне с Японией⁴⁰. Безусловно, заявление Сталина принимал в расчет и Рузвельт — это был еще один стимул поддержать Москву в вопросе «второго фронта».

Президент хотел сразу перевести разговор относительно Японии в практическое русло и получить от советской разведки данные «о выпуске самолетов и строительстве тоннажа в Японии», а также запрашивал информацию относительно Приморского края, которая могла быть необходима для размещения там американских бомбардировщиков, интересовался сведениями о дальневосточных портах, возможным взаимодействием с СССР при наступлении на северную часть Курильских островов⁴¹.

Сталин не спешил с конкретными ответами на американские предложения. Приняв принципиальное решение о вступлении в войну против Японии после нанесения поражения Германии, он не торопился уже сейчас осложнять отношения с Токио. Показательно, что запросы американцев о сотрудничестве с советскими органами по транзиту материалов, поступавших из зоны Персидского залива, через советскую территорию для Китая, не находили в это время большого отклика⁴². Но уже одним своим заявлением по Японии Сталин внес вклад в позитивное для советской стороны решение вопроса

«второго фронта». Рузвельт не только с еще большей готовностью стал поддерживать идею «Оверлорда», но и отказался на данный момент от выделения новых ресурсов на Тихоокеанский театр военных действий — операция «Пират» (высадка на Андаманских островах в Бенгальском заливе), обсуждавшаяся на Каирской конференции, была отменена⁴³.

Проблема вступления в войну Турции также была неразрывно связана с определением дальнейшей стратегии ведения войны. Сталин, в отличие от Молотова на Московской конференции, выразил в Тегеране свое сомнение в том, что Турцию удастся убедить вступить в войну. По сообщениям разведки, поступавшим в Москву накануне Тегеранской конференции, можно было судить о том, что Анкара достаточно твердо настроена придерживаться (по крайней мере, официально), политики нейтралитета вплоть до открытия второго фронта англо-американцами или нападения на Турцию Германии или Болгарии⁴⁴.

В ходе самой Тегеранской конференции Сталин достаточно быстро понял, что любое упоминание о Турции будет играть на руку планам Черчилля, отвлекавшим внимание от «Оверлорда» в пользу Балкан. Тем самым, резонно было сделать основной акцент именно на требованиях об открытии «второго фронта»: это не только отвечало основным стратегическим интересам СССР, но и было наиболее вероятным способом убедить Турцию вступить в войну. Не исключено и то, что сама ситуация на советско-германском фронте к концу ноября могла подталкивать Сталина к выводу о том, что значение вступления Турции в войну снизилось. «Что же касается Турции, то я сомневаюсь в том, что Турция вступит в войну. Она не вступит в войну, какое бы давление мы на нее ни оказывали. Это мое мнение», — говорил он на заседании 28 ноября. Рузвельт и Черчилль были всерьез удивлены, учитывая к тому же, что еще 10 ноября в заявлении Литвинова прессе по итогам Московской конференции было особо указано на обсуждение на ней вопроса о вступлении Турции в войну, что воспринималось как сигнал о значении, которое придается Москвой данному вопросу⁴⁵.

В итоге, решения, принятые в Тегеране по Турции, носили расплывчатый характер: стороны согласились, что «с военной точки зрения крайне желательно, чтобы Турция вступила в войну на стороне союзников до конца года». Было согласовано, что для достижения этой цели Рузвельт, Черчилль и Вышинский встретятся в Каире с турецким президентом И. Иненю (встреча состоялась 4–6 декабря 1943 г.).

Проблема Турции помимо вопроса об открытии «второго фронта» была тесно связана с другим важным вопросом, касавшимся уже больше послевоенного устройства, а именно — режимом черноморских проливов. С инициативой по его постановке выступил Черчилль, заявив на заседании 29 ноября о том, что «если Турция не примет предложения о вступлении в войну, то это может иметь серьезные

политические последствия для Турции и отразится на ее правах в отношении Босфора и Дарданелл». Такой ход премьер-министра был отнюдь не спонтанным. В британском правительстве уже в январе 1943 г. всерьез думали о возможных требованиях СССР в отношении доступа к незамерзающим портам и контроля над проливами: КНШ выступал против предоставления Москве баз в районе проливов или неограниченного права прохода военных судов. В качестве наименьшего зла рассматривалось изменение Конвенции о проливах 1936 года⁴⁶. Сталин был в курсе этих рекомендаций, получив текст британского доклада по каналам разведки⁴⁷.

Не случайно в Тегеране советская сторона хотела уточнить намерения Черчилля в отношении пересмотра режима проливов. Реагируя на заявление британского премьер-министра на заседании 29 ноября, а также, по всей видимости, имея в виду информацию, поступавшую от советской разведки, 30 ноября Сталин заявил: «Такая большая страна, как Россия, оказалась запертой в Черном море и не имеет из него выхода... если теперь англичане не хотят больше душить Россию, то необходимо, чтобы они облегчили режим проливов». Попытки Молотова добиться от Черчилля уточнения его позиции по изменению режима проливов не принесли, однако, результатов. Британский премьер, держа в уме возможную реакцию турок на столь важные разговоры у них за спиной, не стал вдаваться в детали. В целом, обсуждение вопроса о проливах было отложено.

Наконец, еще один вопрос, обсуждавшийся в связи с возможным вступлением Турции в войны, касался Болгарии. Черчилль хотел выяснить реакцию СССР на возможное начало военных действий между Турцией и Болгарией: объявит ли Москва войну Софии в подобном случае? С точки зрения британцев, «дипломатические и подрывные действия» со стороны СССР были одним из трех основных способов добиться капитуляции Болгарии наряду с воздушными бомбардировками и вступлением Турции в войну⁴⁸.

Болгария занимала важное место в системе обеспечения безопасности СССР. Тот факт, что Советский Союз в отличие от Великобритании и США не находился с ней в состоянии войны, мог стать немаловажным преимуществом в деле послевоенного сближения двух государств. Как свидетельствовала справка НКВД «Будущее Болгарии», подготовленная накануне Московской конференции, при определенных обстоятельствах СССР был готов учесть некоторые пожелания Софии: «Сейчас нам невыгодно выступать с поддержкой болгарских территориальных претензий. Если удастся добиться поворота во внешней политике Болгарии, некоторые претензии могут быть приняты во внимание. Можем поддержать требование Болгарии на сохранение в ее руках части Фракии у Эгейского моря»⁴⁹.

В Тегеране Сталин отнюдь не торопился говорить о готовности СССР вступить в войну с Болга-

рией. На заседании 1 декабря он указал на то, что от Турции следует требовать вступления в войну «именно против Германии». Возможные сценарии, которые «Верховный» обрисовал Рузвельту и Черчиллю в случае подобного шага Анкары (Болгария не нападет на Турцию, Турция не нападет на Болгарию; Германия оккупирует Болгарию, в связи с чем последняя «обратится к Советскому правительству с просьбой о помощи»), также не предполагали открытой конфронтации СССР и Болгарии. Тем не менее, Сталин дал заверение в том, что если Болгария объявит войну Турции или нападет на нее, СССР окажется с Болгарией в состоянии войны, что было зафиксировано в военных решениях конференции. Учитывая, однако, что Сталин явно сомневался в готовности Турции вступить в войну с Германией, подобное заявление могло преследовать тактические цели и не означало, что Москва стремилась к открытой конфронтации с Софией.

Вопрос о совместной политике в отношении движения Сопротивления в Югославии также был поднят в Тегеране. Советская сторона подтвердила ранее заявленное стремление отправить военную миссию к Тито, британцы согласились предоставить базу в Каире для поддержания связи с этой миссией. Согласно американской записи переговоров, Молотов даже выступил с идеей отправки миссии и к Михайловичу, против чего советская сторона выступала ранее. Иден, однако, не стал настаивать на данном предложении⁵⁰. Не исключено, что изменение советской позиции было элементом дипломатического маневрирования: заинтересовать британцев идеей отправки советской миссии к Михайловичу для получения от них обещанной базы в Каире. Как свидетельствовали позиции, озвучиваемые советским послом при югославском правительстве в эмиграции Н. В. Новиковым в январе 1944 г., а также точка зрения Сталина, переданная Димитровым Тито в феврале того же года, отношение к Михайловичу оставалось резко негативным: «...правительство в Каире, включая Дразу Михайловича, должно быть низложено, причем оно должно полностью отчитаться перед правительством АВНОЮ (Антифашистское вече народного освобождения Югославии. — И. М.) об истраченных огромных суммах народных средств»⁵¹.

Еще один вопрос, который со времени Московской конференции связывался с мерами по сокращению сроков войны, затрагивал Швецию. Хотя американские дипломаты ожидали, что в Тегеране Сталин будет настаивать на «значении сотрудничества Швеции в ведении войны»⁵², советская сторона не стала развивать ранее высказанную идею получения авиабаз. В Тегеране шведский вопрос не обсуждался, однако была затронута другая связанная с ним проблема — Финляндия. На заседании 1 декабря Сталин сообщил о демаршах, предпринимавшихся финнами через заместителя шведского министра иностранных дел Э. Бохмана, для организации переговоров с Мо-

сковой. Попытки советского посланника в Швеции А. М. Коллонтай выяснить взгляды финнов на условия выхода из войны привели к получению 29 ноября послания, переданного через того же Бохмана, о готовности Хельсинки принять советско-финляндскую границу 1939 г. с некоторыми поправками в пользу СССР. Сталина подобный ответ не удовлетворил: он увидел в нем свидетельство того, что финны «не хотят серьезных переговоров с Советским правительством. Они еще верят в победу Германии»⁵³.

В ходе Тегеранской конференции Сталин несколько смягчил позицию НКВД по советским условиям в отношении Финляндии, сформулированную в марте–октябре 1943 г. (разрыв с Германией и удаление германских войск из Финляндии, восстановление советско-финского мирного договора 1940 г, демобилизация финской армии, возмещение ущерба, возвращение Петсамо)⁵⁴. В отношении Петсамо он выразил готовность рассматривать его как элемент «обмена»: СССР возвращал себе этот ранее переданный Финляндии город, но при этом отказывался от прав аренды на полуостров Ханко (получены по мирному договору 1940 г. сроком на 30 лет). Для британцев, считавших, что Ханко — это «безусловно, одно из мест, где русские захотят иметь базу»⁵⁵, это заявление было неожиданным. В целом, слова Сталина о готовности вести переговоры с финнами указывали на более гибкую позицию по сравнению с той, что озвучивалась Молотовым ранее⁵⁶.

Хотя никаких конкретных решений по финскому вопросу в Тегеране принято не было, информация Сталина произвела положительный эффект: СССР не только информировал союзников о «пробных шарах» со стороны Хельсинки, но и демонстрировал готовность обсудить с ними свою возможную реакцию на них.

Если большинство из вышеуказанных вопросов касались непосредственного ведения войны, то ряд других затрагивал проблемы послевоенного устройства. Вопрос о западных границах СССР был в этом смысле одним из ключевых и наиболее сложных. При обсуждении ситуации вокруг Финляндии Черчилль заявил о том, что «Советский Союз должен иметь обеспеченные подходы к Ленинграду», Рузвельт также упомянул о том, что, согласно его информации, «финны готовы отодвинуть границу от Ленинграда на Карельском перешейке»⁵⁷. Во время личной встречи со Сталиным 1 декабря президент по собственной инициативе поднял вопрос о прибалтийских республиках СССР. Он высказал Сталину свою давнюю идею: «Я знаю, что Литва, Латвия и Эстония и в прошлом и совсем недавно составляли часть Советского Союза, и, когда русские армии вновь войдут в эти республики, я не стану воевать из-за этого с Советским Союзом. Но общественное мнение может потребовать проведения там плебисцита». Дополнительным стимулом для озвучивания этой идеи для Рузвельта было и недавнее (18 ноября)

выступление Хэлла в Конгрессе, в котором подчеркивалась необходимость проведения плебисцитов на освобожденных территориях, в том числе в Прибалтике и на Балканах⁵⁸.

Сталин заявил о том, что «у нас будет немало случаев дать народам этих республик возможность выразить свою волю», подчеркнув, что плебисцит не должен проходить под какой-либо формой международного контроля. В телеграмме совпослам по итогам Тегеранской конференции Сталин собственноручно вставил во фразу Молотова, описывавшую его ответ Рузвельту, следующие слова: «вопрос о Прибалтике не подлежит дискуссии, так как Прибалтика входит в состав СССР»⁵⁹. По всей видимости, «Верховный» хотел подчеркнуть для советских представителей за рубежом жесткость занимаемой по данному вопросу позиции. Рузвельт, хотя и учитывавший настроения в США в период приближающихся выборов, мыслил, однако, весьма реалистично. Еще в марте он говорил Идену о том, что понимает: «... русские армии во время падения Германии будут находиться на территории балтийских государств, и никто из нас не сможет заставить их уйти оттуда»⁶⁰.

Еще один непростой вопрос, который, по выражению Молотова, Рузвельт и Черчилль «щупали» в Тегеране⁶¹, касался Польши. Его обсуждение выявило как разногласия, так и определенное сходство в точках зрения трех держав. Попытка Рузвельта поставить вопрос о восстановлении СССР отношений с эмигрантским польским правительством, как и схожий демарш Идена во время Московской конференции, натолкнулись на жесткую реакцию Сталина: «Агенты польского правительства, находящиеся в Польше, связаны с немцами. Они убивают партизан. Вы не можете себе представить, что они там делают»⁶². Подобные же оценки фигурировали в данных советской разведки⁶³.

Однако в рамках «большой тройки» имелась и некоторая общность взглядов по вопросу о Польше. По сути, главы всех трех государств сходились в том, что именно великие державы будут определять основные параметры решения польской проблемы. Как говорил Рузвельт Идену, «в конце концов, что будет иметь Польша, а что нет, решать крупным державам. Он, президент, не намерен идти на мирную конференцию и торговаться с Польшей или другими малыми государствами; в том касается вопроса Польши, важно добиться такого решения, которое будет способствовать поддержанию мира»⁶⁴.

В неформальном разговоре наедине со Сталиным 1 декабря президент был еще откровенней, ясно дав тому понять, что в вопросе о Польше его волнуют в основном внутривосточные соображения — голоса избирателей польского происхождения. Аппетиты эмигрантского польского правительства во всех трех союзных столицах расценивались как чрезмерные. Гарриман вспоминал о диалоге Литвина с Иденом во время Московской конференции,

когда заместитель наркома говорил о том, что Польша должна научиться существовать как «малое государство» в рамках этнографических границ и оставить претензии на статус «великой державы»⁶⁵. Иден имел схожие претензии к полякам⁶⁶.

Таким образом, в рамках «большой тройки» к концу 1943 г. имелась определенная основа для компромисса по польскому вопросу на базе его решения великими державами. Конкретным выражением этого был относительный консенсус по вопросу границ Польши. Как Черчилль, отказавшийся от встречи с польском премьер-министром С. Миколайчиком перед отъездом в Тегеран⁶⁷, так и Иден в качестве основы восточной границы Польши рассматривали «линию Керзона» с одним, однако, немаловажным изменением в пользу Польши — передаче ей Львова. В качестве компенсации за уступки на востоке, на западе Польша должна была получить Данциг, Восточную Пруссию и Верхнюю Силезию⁶⁸. Рузвельт придерживался схожей точки зрения. И британцы и американцы предусматривали возможность существенных перемещений населения в период установления окончательных границ Польши и СССР.

Основа для базового компромисса по вопросу границ Польши выявилась в Тегеране достаточно быстро. Уже во время ужина после первого заседания 28 ноября Сталин упомянул о возможности передвинуть западную границу Польши на запад до р. Одер и заявил о том, что «русские помогут полякам получить границу по Одру»⁶⁹. Показательно, что Сталин, руководствуясь, вполне вероятно, и долгосрочными стратегическими соображениями, в тактическом отношении смягчил советскую позицию по сравнению с той, что призывал придерживаться НКВД (в лице Деканозова), опасавшийся расширения Польши за счет Восточной Пруссии (записка от 3 октября)⁷⁰.

Во время ужина 28 ноября Черчилль ухватился за слова Сталина. Заявив о том, что при определении границы между СССР и Польшей соображения относительно советской безопасности должны быть «руководящим принципом», он выдвинул свое известное предложение о «трех спичках»: как солдаты «принимают левее» во время строевых упражнений, так СССР, Польша и Германия должны передвинуться на запад. Согласно британской записи беседы, идея «понравилась» Сталину⁷¹.

Черчилль вновь вернулся к своей метафоре на заседании 1 декабря. Сталин подчеркнул, что «советское правительство стоит на точке зрения этой границы (между СССР и Польшей на момент 22 июня 1941 г. — *И. М.*) и считает это правильным»⁷². Далее, согласно американской записи беседы, Иден заявил, что эта граница известна как «линия Риббентропа-Молотова». Сталин ответил, что название не имеет значения, советская сторона в любом случае рассматривает ее как правильную, однако Молотов счел нужным уточнить: «граница 1939 г. была линией Керзона». Участники конференции даже начали

изучать расположение различных «линий» на карте, причем Сталин, хотя и признавая, что формально Львов лежит западнее «линии Керзона», подчеркнул, что город находится в регионе с доминированием украинского населения и поэтому не может быть передан Польше⁷³.

Итогом всех этих дискуссий стала так называемая «Тегеранская формула» по вопросу польских границ, предложенная Черчиллем: «В принципе было принято, что очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер, с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Опельнской провинции. Но окончательное проведение границы требует тщательного изучения и возможного расселения населения в некоторых пунктах». В обмен на согласие с данной формулой Сталин, однако, выдвинул дополнительное условие — предоставление СССР незамерзающих портов Кенигсберга и Мемеля с соответствующей частью территории Восточной Пруссии.

В Тегеране Сталин впервые поставил вопрос о получении «части Германии» (согласно британской записи беседы) в разговоре с Черчиллем во время ужина 28 ноября⁷⁴. В дальнейшем на заседании конференции 1 декабря он развил и конкретизировал свою мысль, используя — что показательно — не только стратегические соображения («Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море»), но и исторические: «... это исконно славянские земли». Слова Сталина не были спонтанными: в НКВД идеи о получении контроля над Кенигсбергом развивались с декабря 1941 года⁷⁵; в предложениях по советско-польской границе, сформулированных накануне Московской конференции, подчеркивалось, что в состав СССР должны войти район Сувалок, Клайпедская область, восточные районы Восточной Пруссии, «населенные преимущественно литовцами»⁷⁶.

Вряд ли Сталин рассчитывал на решение вопроса о Кенигсберге уже в Тегеране (британцы надеялись, что в дальнейшем его еще удастся отговорить от этого запроса)⁷⁷. Скорее, он «закидывал удочку» для прощупывания реакции западных союзников, а также формулировал свою позицию для ее отстаивания на следующих встречах.

Прошедшая перед Тегераном Каирская конференция дала дополнительный стимул к выяснению позиции Москвы по Дальнему Востоку. В коммюнике по ее итогам, опубликованном 1 декабря, говорилось, что все территории, захваченные Японией у Китая, должны быть возвращены последнему. Определенные опасения в связи с этим в Лондоне вызывал вопрос о Маньчжурии — в Форин Офисе считали, что «русские могут иметь определенные виды на распоряжение Маньчжурией»⁷⁸. Сталин, уже знакомый с текстом Каирского коммюнике, заявил на заседании 30 ноября о своей согласии с тем, «чтобы была создана независимая Корея и чтобы Формоза

и Маньчжурия были возвращены Китаю». Воспользовавшись моментом, Рузвельт упомянул о своей идее свободных портов, наличие которых могло облегчить СССР доступ к теплым морям. Президент не только зондировал советские намерения, но и стремился повысить интерес Москвы к вступлению в войну против Японии. Хотя этот обмен мнениями не привел к конкретным решениям, сам по себе он говорил о серьезном укреплении позиций СССР, перед которым открывались новые возможности по усилению своего присутствия на просторах Мирового океана. Сталин явно был доволен ходом обсуждений, заявив, что «если и дальше переговоры будут идти успешно, то он готов остаться еще на один день и выехать не 2-го, а 3-го декабря».

К числу ключевых вопросов, затрагивавших послевоенное устройство, относились также германский и французский. Инициативу в начале обсуждения в Тегеране первого из них советские и американские документы приписывают разным лидерам. В телеграмме по итогам конференции, имея в виду заседание от 1 декабря, Молотов писал о том, что «по инициативе Рузвельта был поставлен вопрос о послевоенном устройстве Германии»⁷⁹. Однако американские и британские записи указывают на то, что уже во время ужина 28 ноября сам Сталин начал дискуссию по германскому вопросу, указав на то, что любые меры по контролю и разоружению Германии не смогут предотвратить ее возрождения. При этом он не стал уточнять, какие меры СССР считает по-настоящему эффективными. Не исключено, что член американской делегации Болен, составивший меморандум по итогам этого разговора, был прав: «... очевидно, Сталин стремился вызвать дискуссию и выяснить взгляды президента и премьер-министра по данным вопросам, не раскрывая, однако, какие решения он предлагает сам»⁸⁰.

Во время нового обсуждения германского вопроса 1 декабря Сталин не выступал с конкретными предложениями, предпочитая предоставить инициативу Рузвельту и Черчиллю. Президент США обрисовал схему разделения Германии на пять самостоятельных государств, представлявший собой несколько модифицированный вариант «плана Уэллеса». Также предлагалось выделить районы Кильского канала и Гамбурга (под управлением Объединенных Наций или четырех держав), Рурскую и Саарскую область (под контролем Объединенных Наций, либо «попечителей всей Европы»).

В вопросе о разделении Германии Черчилль, по словам Молотова, «был настроен менее решительно»⁸¹. В Тегеране Черчилль остановился на двух ключевых проблемах — изоляция Пруссии и отделение от Германии южных провинций, которые должны были, по его мысли, войти в состав Дунайской федерации. Сформулировав эти мысли перед Сталиным еще во время ужина 28 ноября, Черчилль натолкнулся на следующий ответ: «Все это очень хорошо, но

недостаточно»⁸². Особую неприязнь вызывали британские планы создания конфедераций. На заседании 1 декабря Сталин заявил: «Если мы решим дробить Германию⁸³, то не надо создавать новых объединений». Глава советского правительства подчеркнул: «Венгрия и Австрия должны существовать отдельно друг от друга». Согласно американской записи беседы, Сталин также добавил, что было бы «большой ошибкой объединять венгров с немцами, так как немцы будут просто контролировать венгров...»⁸⁴.

Обобщая, можно сказать, что позиция, занятая Сталиным по германскому вопросу, имела выжидательный характер. Тем не менее, определенное сходство советских и американских было налицо: речь шла не только об общем принципе (необходимость расчленения Германии, в пользу которого высказывалась комиссия Литвинова), но и некоторых деталях. Так, к примеру, за установление контроля над Кильским каналом ратовал не только Рузвельт, но и комиссия Ворошилова⁸⁵. В целом, Сталин, как говорил в телеграмме советским послан по итогам конференции, «положительно отнесся к плану Рузвельта, не предвещая вопроса о количестве государств, на которое следует раздробить Германию»⁸⁶, и не раскрывая советских планов. При этом наработки комиссии Литвинова, сосредоточенные вокруг идеи разделения Германии на три государства (Пруссия; Южно-германское государство в составе Бадена, Вюртемберга, Баварии и Саксонии; Вестфальско-Рейнское государство), были достаточно близки планам, озвученным Рузвельтом⁸⁷.

Проблема Германии была тесно связана с перспективами дальнейшего сотрудничества стран «большой тройки» и планами создания после войны международной организации по обеспечению безопасности. Так же как общая германская угроза объединила СССР, США и Великобританию в деле ведения войны, проведение мероприятий по окончательной нейтрализации этой угрозы после окончания военных действий также требовало их сотрудничества.

В Тегеране связь между указанными вопросами проявилась весьма наглядно. Во время встречи со Сталиным 29 ноября Рузвельт развил перед ним свои идеи о структуре международной организации: Общая организация из 35–50 государств, Исполнительный комитет из 10–11 государств, Полицейский комитет в составе СССР, США, Великобритании и Китая.

Вопрос о структуре международной организации как таковой на Тегеранской конференции не вошел в число приоритетных для советской делегации. Показательно, что в телеграмме по ее итогам он был предпоследним по счету⁸⁸. Идеи Сталина, озвученные во время беседы с Рузвельтом, по всей видимости, не были окончательными. Он призывал учесть то, что Китай не будет иметь достаточной мощи для предъявления требований какой-либо европейской

державе, что европейские государства не одобряют право Китая использовать механизм Полицейского комитета для навязывания им каких-либо решений. В связи с этим он предлагал создать не одну, а две организации (европейскую и дальневосточную либо европейскую и мировую) — Рузвельт указал на сходство этой позиции с той, что занимал Черчилль. Вместе с тем, когда Молотов в телеграмме по итогам конференции изложил указанную точку зрения Сталина в качестве реакции на предложения Рузвельта, «Верховный» вычеркнул эти слова, вставив вместо них сухое: «Тов. Сталин не возражал».

Глава советского правительства не только не хотел на данной стадии ангажироваться по вопросу о международной организации, но и, вполне возможно, вновь прибегал к дипломатическому «зондажу». Сознательно высказывая Рузвельту идеи, схожие с черчиллевскими (Сталин знал о проектах британского премьера), он проверял: как отреагирует президент? В пользу того, чтобы не ангажироваться по вопросу о международной организации в Тегеране говорило и то, что советская точка зрения по нему не была окончательно сформулирована. Показательно, что секретная разработка Штейна «Основные принципы создания Международной организации по охране безопасности и мира» (в трех экземплярах) появилась уже после Тегеранской конференции — 16 декабря⁸⁹. Рузвельт все же посчитал, что Сталин является сторонником «регионального плана Черчилля».

То, что действительно интересовало Сталина применительно к переговорам о международной организации в Тегеране, это возможности, которые бы она предоставила «большой тройке» по занятию стратегических пунктов для предотвращения возможной будущей агрессии со стороны Германии и Японии. Причем, как можно было понять из слов Сталина, речь шла не только о пунктах на территории Германии и Японии, но и вне их⁹⁰. Подобная мера давала бы будущей международной организации эффективные средства борьбы с угрозой агрессии и одновременно могла существенно расширить возможности СССР в обеспечении собственной безопасности. Рузвельт, для которого тезис о праве Объединенных Наций на занятие стратегических пунктов, был частью его излюбленной схемы «четырёх полицейских», согласился со Сталиным на «сто процентов», однако уклонился от более предметного обсуждения этой важной проблемы⁹¹.

Вопрос о стратегических пунктах был связан не только с обсуждением германского, но и французского вопросов в Тегеране. По более позднему свидетельству, между Сталиным и Рузвельтом даже состоялся следующий диалог. «Если будет мировая полицейская сила, нужны и полицейские участи в стратегических пунктах», — сказал президент. «Вы захотите Дакар, не так ли?», — ответил Сталин⁹². О возможности передачи Дакара США в качестве военно-морской базы

упоминалось и во время встречи Молотова с Иденом и Гопкинсом 30 ноября⁹³.

Упоминание о возможности передать часть французской колониальной империи под контроль Объединенных Наций после войны было отнюдь не случайным. Позиция, занятая главой советского правительства по французскому вопросу в Тегеране, была весьма неожиданной для союзников. Как позднее говорил Иден на заседании британского Кабинета министров, «на Тегеранской конференции был обнаружен один из крайне интересных фактов», а именно, что «Сталин настроен крайне критично по отношению к французам... Он говорил о том, что французы по-настоящему не постарались в этой войне, он, безусловно, рассматривал французское государство как прогнившее»⁹⁴.

Действительно, начиная с первого дня конференции, Сталин высказывал весьма критические суждения как в отношении бывшего и нынешнего руководства Франции, так и, в меньшей степени, де Голля. Во время ужина 28 ноября он подчеркнул, что прогерманская позиция, занятая нынешним правящим классом Франции, не дает оснований для сохранения за ней ряда колониальных владений. В последующем пересказе Молотова идеи «Верховного» были таковы: «При этих условиях нельзя гарантировать, что стратегически важные пункты Французской империи, если они останутся в руках Франции после нынешней войны, не будут использованы против союзников Германией и Японией в случае их попытки развязать новую войну. Чтобы этого не случилось, такие стратегические пункты должны быть взяты под контроль международной организацией, созданной для поддержания мира»⁹⁵. Сталин также настаивал на том, что Франция приложила недостаточно усилий в войне, ее правители «открыли фронт» для германской армии, по поводу чего он даже вступил в небольшой спор с Черчиллем. Не преминул «Верховный» и критически отозваться о де Голле, посчитав, что «в политике де Голль не является реалистом», и охарактеризовав его как представителя «символической» Франции, однако ведущего себя так, словно он стоял во главе великой державы⁹⁶.

Эти высказывания не противоречили общей позитивной линии СССР в отношении ФКНО. Во-первых, большая часть этих критических замечаний относилась к «вишистской» Франции, являвшейся союзницей Германии — она должна была, исходя из этого, понести наказание после войны. Характер подобного наказания — потеря по крайней мере части колониальной империи — вполне к тому же соответствовал давней позиции СССР по борьбе с колониализмом. Во-вторых, как заметил Болен, эти высказывания были направлены, прежде всего, на выяснение позиций американцев и британцев, представляя собой дипломатический зондаж⁹⁷. Ряд действий Сталина в отношении ФКНО осенью 1943 г. говорил о его благожелательном настрое в от-

ношении данной организации. Так, в сентябре он не только дал согласие на обмен военными миссиями с ней, но и лично заявил ее главе в Москве генералу Э. Пети, что «Франция в будущем снова возродится... мы и впредь будем помогать французам»⁹⁸.

Вместе с тем подобные дружественные шаги не означали, что Москва готова удовлетворить все запросы де Голля. Идеи французского генерала (в передаче директора его кабинета Г. Палевского) о том, что «все важные дела послевоенной Европы будут решаться двумя силами — СССР и Францией», в условиях 1943 г. вполне резонно могли расцениваться как чересчур амбициозные. Показательно, что неоднократные попытки де Голля летом-осенью 1943 г. организовать встречу со Сталиным не увенчались успехом. Москва предпочитала подождать дальнейшего развития событий, не собираясь на данном этапе осложнять отношения с Вашингтоном и Лондоном разногласиями по Франции⁹⁹. Таким образом, позиция, занятая Сталиным в Тегеране, отвечала скорее тактическим целям по выявлению американской и британской позиции по французскому вопросу.

В целом, обсуждение французского вопроса в Тегеране проходило, как это признавал Иден¹⁰⁰, под знаком советско-американского сближения за счет некоторой маргинализации Черчилля. Особенно показательна в этом смысле была проблема Индокитая. Когда во время личной встречи 28 ноября Сталин заявил о том, что «не представляет себе, чтобы союзники проливали кровь за освобождение Индокитая и чтобы потом Франция получила Индокитай для восстановления там колониального режима», Рузвельт согласился с ним на «сто процентов»¹⁰¹. Хотя в данном случае речь шла о французском колониализме, президент был не лучшего мнения и о его британском варианте¹⁰². Неслучайно, в Тегеране Сталин и Рузвельт сошлись и в вопросе по Индии, признав, что это «больное место Черчилля», хотя никто из двоих не стал осложнять отношения с Лондоном обсуждением данной проблемы на конференции.

Однако небольшой «укол» Черчилля по индийскому вопросу Сталин все же сделал, хотя этот эпизод Тегеранской конференции малоизвестен. Одна из переводчиц советской делегации в Тегеране, легендарная разведчица З. В. Зарубина вспоминала о том, что во время празднования дня рождения Черчилля 30 ноября Сталина обслуживал индус-сикх. «Он поворачивается к сикху и говорит: большое спасибо, что вы меня так обслуживали, сегодня все так хорошо, такой важный день, день рождения премьер-министра Черчилля. Я хотел бы, сказал Верховный индусу, чтобы вы выпили бокал шампанского»¹⁰³. Неординарный жест Сталина вызвал небольшой переполох и недоумение у британцев. Одна из возможных его интерпретаций: продемонстрировать, что в отличие от британских аристократов, глава государства, выходец из крестьян, готов на равных и с уважением беседовать с представителями «колониальных» народов.

Одним из заметных решений Тегеранской конференции, стоявшим несколько особняком от всех вышеперечисленных, стало принятие «Декларации трех держав об Иране». Модификации (по сравнению со временем Московской конференции) подверглась не только советская позиция по данному вопросу, но и общий контекст его обсуждения. Британцы, проявившие инициативу по Ирану во время конференции в Москве, продолжили свои усилия и после нее. По свидетельству американского посланника в Иране Л. Дрейфуса, они поставили иранские власти в известность о дискуссиях в Москве¹⁰⁴, стремясь тем самым привлечь официальный Тегеран к своим попыткам склонить СССР к подписанию декларации.

Созыв конференции «большой тройки» в иранской столице был хорошим стимулом для этого. Еще до ее начала, 25 ноября, премьер-министр А. Сохейли упоминал о декларации в беседе с американцами. После прибытия Рузвельта в Тегеран на желательность подписания декларации намекнул президенту его личный представитель бригадный генерал П. Хэрли, имевший в Иране хорошие связи. Сами иранские власти основную ставку делали все же на британцев. Именно в беседе с Иденом 29 ноября Сохейли и министр иностранных дел М. Саед напрямую заговорили о желательности подписания на конференции «объединенного коммюнике», которое бы содержало следующие пункты: признание союзниками помощи в войне, оказываемой Ираном; подтверждение его независимости, суверенитета и территориальной целостности; учет его экономических нужд при обсуждении мирного договора по итогам войны.

Тогда же, 29 ноября, Сохейли проинформировал о своем демарше и Дрейфуса. Американцы оперативно, в тот же день, подготовили проект декларации по Ирану, предусмотрительно не став упоминать в нем о «зарубежных советниках» — пункте, вызывавшим у СССР негативную реакцию. Роль посредника взял на себя Хэрли. 30 ноября он переговорил с Иденом, согласовав американскую и британскую позицию по декларации, а затем с Рузвельтом, убеждая его обсудить этот вопрос лично со Сталиным. Хотя уже днем ранее Молотов выразил Сохейли согласие СССР на подписание декларации, Хэрли опасался, что советская делегация не твердо стоит на этой позиции, и хотел подстраховаться личным вмешательством президента¹⁰⁵.

В итоге, после беседы Рузвельта со Сталиным, текст декларации был согласован уже в последний день конференции, вечером 1 декабря. Завершающим аккордом дискуссии по этому вопросу в тот день стал спор Сталина и Черчилля о названии. Британский премьер настаивал на использовании слова «Персия» вместо «Иран», дабы, по его словам, избежать путаницы между Ираком и Ираном. Сталина подобная аргументация не убеждала, и он настоял на своем. Черчилль согласился, однако Сталин не упустил случая вновь уязвить премьер-министра в момент под-

писания декларации, настояв на том, чтобы Черчилль первым поставил свою подпись — чтобы больше не было споров о названии страны, в которой три главы государства сейчас находятся¹⁰⁶.

«Декларация трех держав об Иране» удовлетворяла основным запросам иранской стороны. В ней признавалась помощь Ирана «в деле ведения войны против общего врага» (особенно в транспортировке грузов по ленд-лизу для СССР), указывалось на готовность трех держав оказывать ему экономическую помощь (при учете, однако, требований, накладываемых войной), рассмотреть экономические проблемы Ирана после войны, «сохранить полную независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность Ирана».

Американские дипломаты были удивлены поворотом в советской позиции по этому документу, подозревая, что за этим стоит «общий сдвиг последнего времени в отношении СССР к Ирану»¹⁰⁷. Причиной изменения советской позиции, судя по всему, стало личное вмешательство Сталина. Еще накануне отъезда в Тегеран, по воспоминаниям командующего авиацией дальнего действия маршала А. Е. Голованова, он сделал резкий выговор наркому внутренних дел Берии, который выступил против идеи встречи Сталина во время предстоящей конференции с молодым шахом Ирана Мохаммедом Реза Пехлеви: «Понял я лишь одно — шел разговор об иранском шахе, и это было причиной вспыльчивости Верховного. Ни прежде, ни потом видеть его таким мне не доводилось»¹⁰⁸. Сам Молотов в последующем вспоминал: «В Тегеране в 1943 году Сталин пошел на прием к юному шаху Ирана — тот даже растерялся. Берия был против такого визита»¹⁰⁹.

Визит Сталина к 24-летнему шаху, состоявшийся 1 декабря в Тегеране, был хорошо рассчитан. Сталин стал единственным из глав «большой тройки», кто запросил встречи с шахом на его собственной территории. Как и в случае с эпизодом с индусом-сикхом, глава советского государства словно демонстрировал, что в отличие от «империалистов» он готов говорить с народами Востока «на равных». Рузвельт, отклонивший предложение Пехлеви быть его гостем во дворце, встретился с шахом 30 ноября на территории советского посольства. Черчилль в тот же день, после довольно долгого ожидания, принял его в британском посольстве. Это были краткие встречи, имевшие чисто формальный характер.

Во время этого же визита Пехлеви собирался навестить Сталина, в советское посольство позвонили с вопросом, «когда его превосходительство Сталин может принять шаха Ирана... Довольно быстро был получен ответ, который гласил: „Глава советской делегации спрашивает, когда шах Ирана найдет время и сможет его принять?“»¹¹⁰. Иранский представитель, звонивший в советское посольство, растерялся, посчитав, что его неправильно поняли и заявил, что должен доложить об этом шаху. Разобравшись в си-

туации, иранские власти уточнили дату — 1 декабря. Своим решением лично поехать к шаху Сталин не только оказал последнему большую честь (особенно на фоне неуклюжих действий Рузвельта и Черчилля), но и подверг себя определенному риску. В отчете службы безопасности Сталина говорилось, что «место и время беседы были известны агентуре противника», что потребовало проведения дополнительных мероприятий¹¹¹. По одному из иранских свидетельств, советская сторона настояла на том, что во дворце во время встречи находились представители лишь советской охраны¹¹². По всей видимости, опасения перед возможными действиями германской агентуры в Иране были достаточно велики.

Позднее Молотов характеризовал встречу Сталина с Пехлеви как попытку получить шаха «в союзники»¹¹³. Действительно, в ходе полуторачасового разговора «Верховный» не только заверил Пехлеви в своем стремлении укрепить как Иран в целом, так и личные позиции шаха, в особенности, но и выразил готовность пойти на конкретные шаги в этом направлении — передать иранской армии 20 танков и 20 самолетов, а также отправить советских офицеров в качестве инструкторов¹¹⁴. Эти предложения должны были не только развеять разного рода опасения иранских властей, связанные с пребыванием советских войск на севере страны (в том числе относительно политической ситуации в Иранском Азербайджане¹¹⁵), но и продемонстрировать шаху готовность Москвы помочь в укреплении его армии. Пехлеви придавал этому вопросу большое значение.

Визит Сталина к шаху был серьезным дипломатическим успехом СССР. Уже после окончания Тегеранской конференции, Пехлеви направил Сталину послание, в котором подчеркивал: «Ваш визит к нам оставил у меня весьма глубокие воспоминания». В другом послании, на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина, шах выражал «удовлетворение, которое вызвала у меня декларация Тегеранской конференции об Иране, декларация, выработке которой ваша страна содействовала столь действенным образом»¹¹⁶. Посланник Дрейфус в своем отчете об организации Тегеранской конференции прямо писал о грубых ошибках американской делегации в отношениях с шахом на фоне дипломатического обращения с ним Сталина¹¹⁷. Британские представители в Тегеране, которым иранские власти передали содержание разговора Сталина и Пехлеви, были в некоторой степени обеспокоены: «К сожалению, шах был задет за слабые точки. Он был раздражен тем, что Рузвельт не смог навестить его, а визит Сталин ему польстил». Иден, тем не менее, призывал не сгущать краски применительно к нынешней политике СССР в Иране, хотя и предвидел возможности для дальнейших трудностей в отношениях Москвы и Лондона по данной проблеме: «В целом, отношение Сталина к шаху, наряду с советским участием в совместной декларации по Персии, ка-

жутся мне обнадеживающими явлениями. Возможно, что русские могут иметь некоторые скрытые дурные намерения, но не было бы ничего обнадеживающего в том, если бы они отказались участвовать в декларации и заняли враждебную шаху позицию». В Лондоне соглашались с тем, что Сталин своим визитом к шаху «одержал важную личную победу»¹¹⁸.

В немалой степени, эта оценка действий главы советской делегации может быть распространена и на результаты обсуждения большинства других вопросов на Тегеранской конференции. Сталину удалось добиться от Рузвельта и Черчилля обязательств по главному — открытию второго фронта. Наличие относительно точной даты начала «Оверлорда» служило немаловажным залогом того, что в этот раз высадка на севере Франции наконец-то будет предпринята. Четко расставив приоритеты, хозяин Кремля сумел одновременно представить ряд шагов, отвечавших собственным интересам СССР, в качестве уступок союзникам. Среди них: заявление о вступлении СССР в войну против Японии после поражения Германии; проведение военных операций на советско-германском фронте в период «Оверлорда». Глава советской делегации умело демонстрировал готовность СССР действовать в духе солидарности антигитлеровской коалиции, делаясь информацией о мирных «пробных шарах» (как он сделал в случае с Финляндией), и слово призывая союзников действовать в схожем духе. Несколько смягчив позицию НКВД в отношении западной границы Польши, он сумел сделать еще один шаг в сторону признания Лондоном и Вашингтоном западной границы СССР. Проведя зондаж позиций США и Великобритании по германскому и французскому вопросам, он не стал детально раскрывать советских планов по ним. Благоприятным для советской стороны было и все большее осознание Рузвельтом и Черчиллем решающей роли партизан, а не четников, в движении Сопротивления в Югославии.

Сравнивая советскую дипломатию на Московско-й и Тегеранской конференциях, можно выделить немаловажное отличие. Если в первом случае ее можно (с некоторыми оговорками) обозначить как НКВДовскую и основанную на тщательной предварительной разработке вопросов коллективом дипломатов, то во втором случае речь шла уже о личной дипломатии, повышавшей значение индивидуальных качеств переговорщиков и превращавших их в реальный фактор политического влияния.

В Тегеране проявились сильные стороны сталинской личной дипломатии: настойчивость, уверенное владение проблематикой переговоров (это поражало Идена и Черчилля еще в период переговоров 1941–1942 гг.¹¹⁹), точный расчет, умение «продать» нужное решение, способность играть на противоречиях между союзниками. Уверенность Сталина, опиравшегося на победы Красной Армии и чувствовавшего себя хозяином в Тегеране, проявлялась и в манере его выступлений. По воспоминаниям Зарубиной,

«во время выступлений на конференции Сталина слушали затаив дыхание... Я бы сказала так: Верховный говорил очень медленно и очень тихо. И было удивительно, как все его слушали»¹²⁰.

В целом, он произвел сильное впечатление на западных партнеров. Даже Брук, далеко не поклонник главы советского государства, вынужден был признать: «...Надо признать, что Сталин обладает военным складом ума очень высокого калибра. Ни разу в своих заявлениях он не сделал какой-либо стратегической ошибки, ни разу не упустил всех последствий той или иной ситуации быстрым и точным взглядом. В этом отношении он выгодно отличался от своих двух партнеров. Рузвельт и не претендовал всерьез на звание стратега, давая Маршаллу или Леги говорить за себя. Уинстон, с другой стороны, был гораздо более неровен: временами блистал, но был слишком импульсивен и склонен увлекаться нереальными планами без глубокого предварительного продумывания, которого они требовали»¹²¹. Сын Г. Гопкинса Роберт, видевший Сталина впервые и удивленный его небольшим ростом (при первой встрече со Сталиным это бросалось в глаза многим¹²²), тем не менее, признавал — это «настоящий лидер»¹²³.

Характерной чертой дипломатии Сталина также была тактика «кнута и пряника», уже неплохо известная в это время, прежде всего, британцам по переговорам в Москве в августе 1942 года¹²⁴. Пусть и не в такой выраженной форме как тогда Сталин применял ее и в Тегеране. Жестко отстаивая свою точку зрения по вопросу о «втором фронте», он смягчил ранее заявленную советскую позицию по Ирану, выразил готовность прислушиваться к мнениям союзников по вопросам переговоров с Финляндией. Тактика «кнута и пряника» проявлялась и в других отношениях. Разница в отношении Сталина к Рузвельту и к Черчиллю в Тегеране была заметна всем присутствовавшим на конференции. По отношению к президенту «Верховный» держался подчеркнуто вежливо, даже почтительно, не позволяя себе колкостей, неудобных вопросов и язвительных замечаний. По свидетельству начальника охраны Сталина Н. С. Власика, «Сталин вообще очень внимательно и тепло относился к Рузвельту, ценя, видимо, в нем ту искренность и доброжелательность, которую он проявил в течение всех переговоров»¹²⁵. Зять Рузвельта Дж. Беттигер, присутствовавший в Тегеране писал о «начале формирования дружбы» Сталина и Рузвельта», которое давало ему «растущее чувство уверенности в будущем»¹²⁶. Рузвельт, со своей стороны, остался под большим впечатлением от первой встречи с советским лидером. «...После этой встречи, — сообщал в Москву посол в Великобритании Ф. Т. Гусев о разговоре со своим американским коллегой Дж. Вайнантом, — Рузвельт, якобы, говорил Гопкинсу и своим послам, что это была одна из самых откровенных бесед за все время, как ему приходилось вести беседы с государственными деятелями.

Прежде всего, Рузвельт был поражен простотой и откровенностью тов. Сталина в беседе с ним, трезвым подходом в оценке положения и деловыми предложениями»¹²⁷. Единственная шероховатость произошла лишь в самом конце конференции. Во время ужина 1 декабря, работая над коммюнике конференции, и услышав чьи-то слова, Сталин раздраженно сказал: «Ради Бога, позвольте нам закончить работу». Лишь обернувшись, он понял, что эти слова принадлежали Рузвельту (президент просил Болена перевести что-то для Сталина)¹²⁸.

Дружба Сталин и Рузвельта в Тегеране была дружбой «за», но и в определенной степени дружбой «против». Один из показательных эпизодов солидарности Сталина и Рузвельта в противовес Черчиллю произошел во время ужина 29 ноября. Тогда Сталин, вернувшись к уже озвученной им мысли об угрозе быстрого восстановления Германии после войны, заявил, что необходимо соблюсти два условия: ликвидировать 50 или 100 тыс. чел. из состава военного командования Германии; сохранить в руках союзников стратегические пункты. В ответ на крайне резкую реакцию Черчилля на первую часть заявления («подобное отношение противоречит британскому чувству справедливости», — в том числе сказал премьер-министра, восприняв Сталина вполне всерьез), Рузвельт, заявив, что «его функция — посредничество», перевел все в шутку: пусть будет ликвидировано только 49 тыс. германских офицеров. Разъяренный Черчилль покинул комнату, однако вскоре, следуя уговорам Сталина и Молотова, вернулся¹²⁹.

Рост взаимопонимания между Сталиным и Рузвельтом не означал отхода от императива советской дипломатии опираться, прежде всего, на собственные силы и победы Красной Армии. По воспоминаниям Г. К. Жукова, вернувшись из Тегерана, Сталин сказал: «Рузвельт дал твердое слово открыть широкие действия во Франции в 1944 году. Думаю, что он слово сдержит. Ну а если не сдержит, у нас хватит и своих сил добить гитлеровскую Германию»¹³⁰.

Показательно и то, что в отношениях с Рузвельтом Сталин не отказывался от излюбленной им тактики дипломатического зондажа. Глава советского государства, который, по словам Молотова, «своим-то далеко не всем доверял»¹³¹, сохранял настороженность и в отношении президента — проверить его намерения было отнюдь не лишним. Именно в этом смысле можно истолковывать слова Сталина Рузвельту во время ужина 28 ноября о желательности конкретизировать понятие «безоговорочной капитуляции» — «какое количество оружия, средств транспорта и т.д. должен выдать противник... не называя их безоговорочной капитуляцией». Молотов, воспринявший их, по всей видимости, всерьез, дал указание разработать вопрос Деканозову. Однако на проекте памятной записке, поступившей в декабре 1943 г. от последнего и составленной в духе заявления Сталина в Тегеране, Молотов написал: «Вопрос

отпал»¹³². Можно предполагать, что сразу отличить зондаж Сталина от действительного внешнеполитического виража подчас не в силах был даже Молотов.

Несмотря на это, в целом, в Тегеране в отношениях Сталина и Рузвельта царил согласие. Подобная ситуация отнюдь не нравилась британцам, считавшим (по словам Брука), что «Президент в кармане у Сталина»¹³³. Частые уколы Сталина в адрес Черчилля, если оставить в стороне морально-этический аспект дела, были весьма эффективным инструментом дипломатии. Благодаря тонкому анализу Майского в период его пребывания в Лондоне в качестве посла и личному знакомству с Черчиллем, Сталин достаточно неплохо представлял себе «эмоционально-художественный» темперамент британского премьера¹³⁴. Создать для него некомфортный психологический климат на конференции, использовать готовность Рузвельта «подыграть» Сталину в этом вопросе — все это способствовало достижению конкретных политических результатов. В итоге, как психологическое, так и физическое состояние Черчилля, уже накануне конференции страдавшего от простуды и высокой температуры, оставляло в Тегеране желать лучшего. Хотя, по воспоминаниям сотрудников охраны Черчилля, премьер-министр был достаточно свеж и бодр в Тегеране¹³⁵, большая часть участников признавала обратное. По свидетельству Зарубиной, «Что касается Черчилля, то в этот период времени он был, безусловно, нездоров. Производил впечатление дряхлеющего человека»¹³⁶. Хотя, как известно, Черчилль переживет и Рузвельта и Сталина, его самочувствие в Тегеране было не из лучших. 29 ноября он сетовал своему личному врачу лорду У. Морану: «Иногда мне кажется, что я почти выдохся»¹³⁷.

Несмотря на имевшиеся противоречия, атмосфера солидарности союзников (прежде всего, СССР и США), проявившаяся уже в ходе Московской конференции, была еще более характерна для переговоров в Тегеране. Показательно, что советская сторона, оставляя «в тени» некоторые спорные вопросы, не хотела их обсуждением портить общего позитивного фона конференции. Когда 1 декабря Черчилль поднял вопрос об отправке британских подводных лодок в Черное море, «чтобы топить там румын и немцев», Сталин не стал спорить: «Хорошо, за всякую помощь, оказанную нам, мы будем благодарить». Однако когда Черчилль попытался развить свою мысль, он натолкнулся на краткий вопрос Сталина не без ноток раздражения: «Вопрос исчерпан?»¹³⁸. Как следовало из разработок НКВД октября 1943 г. советское отношение к отправке британских сил в Черное море была отрицательной: «... в Черном море советский военный флот сам справиться со своими военными задачами, как справляется до сих пор, а союзный военный флот имеет немало серьезных задач в других морях...»¹³⁹.

Стремление советской стороны поддержать дружественный настрой проявилось и в щедрых подарках западным лидерам. Премьер-министру не

только была привезена партия коньяка, который, как было известно в Москве еще со времен его визита в августе 1942 г., он любил, но и обещано построить в Великобритании коньячный завод¹⁴⁰. Достаточно роскошным был и подарок Сталина на день рождения Черчилля, отмеченный в Тегеране 30 ноября — каракулевая шапка и большая фарфоровая скульптурная группа на сюжет русских народных сказок¹⁴¹. Рузвельта Сталин решил удивить крупным лососем (президент был заядлым рыбаком), от которого гость, по воспоминаниям одного из советских служащих, присутствовавших в Тегеране, «был в восторге», а также ящиком советского шампанского, которое также пришлось президенту по вкусу¹⁴².

В целом, Сталину удалось достичь целей, поставленных им в Тегеране. Сделать этого удалось без серьезного ущерба для его основных обязанностей по руководству военными действиями СССР. Во время конференции Сталин не только лично контролировал обсуждение широкого круга дипломатических вопросов, но и оставался «на прямой связи» с фронтом: три раза в день ему докладывали сведения о военной обстановке¹⁴³.

Тегеранская конференция официально закончилась 1 декабря — «Рузвельт и Черчилль, намеревавшиеся остаться на конференции до 3 декабря, изменили решение в связи с резким ухудшением погоды, которое могло задержать их отлет в Каир» для встречи с Инену¹⁴⁴. Сталин также вылетел из иранской столицы 1 декабря, отправившись в Москву тем же путем, каким прибыл в Тегеран (самолетом до Баку, далее поездом). В Москву он вернулся 6 декабря.

Решения Тегеранской конференции имели огромное значение. Фактически за непосредственным коренным переломом на фронтах войны произошел новый «коренной перелом», была пройдена «поворотная точка» — на этот раз в стратегии ведения войны странами антигитлеровской коалиции. Военные решения конференции указывали на то, что коалиционная война вступает в новую фазу. Договоренность об одновременном проведении «Оверлорда» на западе Европы и советских наступательных действий на востоке говорила о том, что отношения в рамках «Большой тройки» наполнились «новым содержанием — согласованием планов их военных операций»¹⁴⁵. Решения по широкому кругу вопросов (от помощи партизанам в Югославии до совместных действий по дезинформации противника), достигнутые в Тегеране, указывали на готовность трех сторон формулировать общую стратегию на различных театрах военных действий, глубже посвящать друг и друга в свои планы и предпринимать действия по их совместной реализации.

Все это явно свидетельствовало об усилении доверия между СССР, США и Великобританией. «Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели», — говорилось в «Декларации трех держав», принятой на конференции и опубликованной

7 декабря. В трех столицах признавали успех конференции. Рузвельт в послании Сталину 3 декабря характеризовал ее как «огромный успех»¹⁴⁶ и называл «историческим событием, подтверждающим не только нашу способность совместно вести войну, но также работать для дела грядущего мира в полнейшем согласии». В отчете британскому кабинету министров Иден говорил о том, что «на протяжении всех сложных дискуссий отношение маршала Сталина было дружественным и в наивысшей степени нацеленным на сотрудничество, ухудшения ситуации по сравнению с той, что была достигнута после переговоров в Москве, не произошло»¹⁴⁷.

Учитывая достигнутый в Тегеране успех, Сталин не случайно стремился подчеркнуть позитивное отношение советской стороны к результатам конференции. Заголовок сводки ТАСС по ее итогам он собственноручно исправил с нейтрального «Конференция глав правительств Советского Союза, США и Великобритании» на «Конференция лидеров трех союзных держав»¹⁴⁸. Его правка циркуляра Молотова совпала по итогам конференции также показательна: она сглаживала моменты расхождений между союзниками и усиливала впечатление об их согласии по основным вопросам. Там, где нарком изложил позицию Черчилля по Франции, отличавшуюся от заявленных точек зрения Сталина и Рузвельта, а также слова самого Сталина о возможности создания двух международных организаций (что не совпадало с концепцией Рузвельта), «Верховный» зачеркнул текст Молотова и дописал: Черчилль «не возражал, или возражал очень слабо», «тов. Сталин не возражал»¹⁴⁹. Такой же оптимистический тон был задан всей советской пропаганде.

Общее укрепление антигитлеровской коалиции, отразившееся в решениях, принятых на Тегеранской конференции, сопровождалось серьезными процессами внутренней трансформации самой коалиции. За совместным подшучиванием Сталина и Рузвельта над Черчиллем в Тегеране скрывалось нечто большее, чем личные отношения. Рост военно-экономических потенциалов СССР и США при относительном ослаблении вклада Великобритании в войну указывали на то, что в рамках «большой тройки» появляются два лидера. После Тегерана Черчилль говорил, что именно во время этой конференции он почувствовал, «какая мы маленькая нация». По его словам, «маленький бедный английский ослик» оказался между «огромным русским медведем», с одной стороны, и «огромным американским бизоном», с другой¹⁵⁰.

Изменение стратегического баланса сил в рамках антигитлеровской коалиции наиболее ярко проявилось в Тегеране в связи с вопросом о создании второго фронта. Обоюдная заинтересованность СССР и США в его открытии на севере Франции в 1944 г. перевесила все красноречие и дипломатическое искусство Черчилля. Сталин, по одному из свидетельств, констатировал: «Как ни дрался, как ни старался Черчилль обвести нас вокруг пальца, а все-таки пришлось сдаться. Однако противник он достойный!»¹⁵¹.

В результате решения о приоритете операции «Оверлорд» над британской средиземноморской и балканской стратегией не только открывался путь к скорейшей победе над Германией — по сути, за этим решением проглядывали контуры послевоенного мира. Нанесение основного удара в Северной Франции создавало условия для серьезного усиления позиций СССР в Восточной и Центральной Европе, а США — в Западной.

В единодушном осуждении колониализма Сталиным и Рузвельтом в Тегеране просматривалась и другая ключевая черта послевоенного мира — постепенный закат колониальных империй, в том числе главной из них — Британской. Черчилль словно предчувствовал масштабы грядущих изменений, говоря Морану в Тегеране: «Проблемы колоссального значения проходят перед нашими глазами, а мы лишь пылинки, осевшие в ночи на карту мира...»¹⁵².

Решения Тегеранской конференции указывали и на еще один потенциальный путь дальнейшего развития международных отношений — закрепление роли «большой тройки» как ведущих держав послевоенного мира, согласованно определяющих основные контуры системы безопасности в рамках всеобщей международной организации.

Не случайно Рузвельт, основной сторонник этой концепции, начал конференцию с приветствия собравшихся на ней участников как «членов новой семьи», а закончил следующими словами: «Мы доказали здесь, в Тегеране, что различные идеалы наших государств могут составить единое гармоничное целое, развиваясь вместе ради общего блага нас самих и всего мира. Покидая эту историческую встречу, мы можем впервые видеть в небе традиционный символ надежды — раду»¹⁵³. Каким из этих надежд суждено было воплотиться в жизнь, а каким — нет, должно было показать дальнейшее развитие событий.

¹ Историю предыдущих приглашений в адрес Сталина см., к примеру, в: Eubank K. Summit at Tehran. N.Y., 1985; Mayle P.D. Eureka Summit: Agreement in Principle and the Big Three at Tehran, 1943. Newark, 1987.

² W.M. (43) 151st Conclusions, 8.XI.1943 // TNA, CAB 65/36/19.

³ См., к примеру: Brief Press Summary, 16.XI.1943 (in Grand 43) // TNA, FO 800/410.

⁴ По некоторым данным, Черчилль имел в этом смысле определенные надежды. См.: Sharp T. The Origins of the 'Teheran Formula' on Polish Frontiers // Journal of Contemporary History. 1977. Vol. 12. No. 2. P. 391.

⁵ For Prime Minister from the Field Marshal Smuts, 14.XI.1943 // TNA, FO 800/410.

- ⁶ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сб. док. Т. 2. (далее — Тегеранская конференция). М., 1978. С. 55–60.
- ⁷ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 389.
- ⁸ ОГБ. Т. 4. Кн. 2. С. 689.
- ⁹ My Dear Mr. Stalin: the Complete Correspondence between Franklin D. Roosevelt and Joseph V. Stalin (далее — My Dear Mr. Stalin) / Ed. by S. Butler. New Haven, 2005. P. 181.
- ¹⁰ Stoler M. Allies and Adversaries: the Joint Chiefs of Staff, the Grand Alliance, and U.S. Strategy in World War II. Chapel Hill, 2000. P. 167.
- ¹¹ For Prime Minister from Foreign Secretary, 14.XI.1943 // TNA, FO 800/410.
- ¹² Берия С. Л. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994. С. 235.
- ¹³ Тегеранская конференция. С. 79–80.
- ¹⁴ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 5.
- ¹⁵ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 273–274.
- ¹⁶ Борисов А. Ю. Тегеран — Ялта — Потсдам // Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход / Сост. А. А. Ахтамзян. М., 2010. С. 492. См. также: Stoler M. A. War by Conference // The International History Review. 1986. Vol. 8. No. 4. P. 623.
- ¹⁷ FRUS. Cairo and Tehran. P. 254.
- ¹⁸ Churchill W. S. Op. cit. Vol. 5. P. 304.
- ¹⁹ C.O.S. (Sextant), 18.XI.1943 // TNA, CAB 99/25.
- ²⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 23. Д. 248. Лл. 107–108.
- ²¹ См. подробнее: Кузнец Ю. Л. Тегеран 43. М., 2003.
- ²² РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 123. Л. 18.
- ²³ Там же. Л. 17.
- ²⁴ W. M. (43) 169th Conclusions, Conf. Annex, 13.XII.1943 // TNA, CAB/65/40/15.
- ²⁵ Тегеранская конференция. С. 97.
- ²⁶ Бережков В. М. Тегеран, 1943. М., 1968. С. 60.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 123. Лл. 6–7.
- ²⁸ Там же, Ф. 558. Оп. 11. Д. 218. Л. 6.
- ²⁹ FRUS. Cairo and Tehran. P. 542.
- ³⁰ Бережков В. М. Указ. соч. С. 68.
- ³¹ Тегеранская конференция. С. 132.
- ³² Бережков В. М. Указ. соч. С. 75.
- ³³ FRUS. Cairo and Tehran. P. 564n10.
- ³⁴ Ibid. P. 565.
- ³⁵ Тегеранская конференция. С. 173–175.
- ³⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 99.
- ³⁷ LOC, Henry L. Stimson Diaries (6.XII.1943).
- ³⁸ Славинский Б. Н. СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945 гг. М., 1999. С. 327.
- ³⁹ CAMO. Т. 1. С. 351–352.
- ⁴⁰ C.O.S. (Sextant), 26.XI.1943 // TNA, CAB99/25.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 8; Тегеранская конференция. С. 113, 118–120.
- ⁴² FRUS. 1943. Vol. 3. P. 785.
- ⁴³ Иден подчеркивал прямую связь между этим решением и заявлением Сталина относительно Японии. См.: W. M. (43) 169th Conclusions, Conf. Annex, 13.XII.1943 // TNA, CAB 65/40/15.
- ⁴⁴ ОГБ. Т. 4. Кн. 2. С. 561.
- ⁴⁵ FRUS. 1943. Vol. 1. P. 701–702.
- ⁴⁶ Lewis J. Changing Direction: British Military Planning for Post-War Strategic Defence, 1942–1947. 2nd ed. London, 2003. P. 58.
- ⁴⁷ ОГБ. Т. 4. Кн. 2. С. 576–577.
- ⁴⁸ J. S. (Sextant) 9, 25.XI.1943 // TNA, CAB 99/25.
- ⁴⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5-б. П. 41. Д. 35. Л. 26.
- ⁵⁰ FRUS. Cairo and Tehran. P. 575; W. M. (43) 169th Conclusions, Conf. Annex, 13.XII.1943 // TNA, CAB65/40/15.
- ⁵¹ Отношения России (СССР) с Югославией. С. 218–219.
- ⁵² FRUS. Cairo and Tehran. P. 182.
- ⁵³ Тегеранская конференция. С. 158.

- ⁵⁴ САМО. Т. 1. С. 298–299; СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 268, 273. Позицию НКВД в преддверии Московской конференции («Наше отношение к Финляндии») см. в: АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 235.
- ⁵⁵ W.P. (43) 438, *Western Frontiers of the U.S.S.R.*, Memo by Eden, 5.X.1943 // TNA, CAB/66/41/38.
- ⁵⁶ См.: Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 323–324.
- ⁵⁷ Тегеранская конференция. С. 159.
- ⁵⁸ Brief Press Summary, 16.XI.1943 (in Grand 43) // TNA, FO 800/410.
- ⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 101. См. также: FRUS. Cairo and Tehran. P. 510.
- ⁶⁰ FRUS. 1943. Vol. 3. P. 13.
- ⁶¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 100.
- ⁶² Тегеранская конференция. С. 163.
- ⁶³ ОГБ. Т. 4. Кн. 2. С. 521–522.
- ⁶⁴ FRUS. 1943. Vol. 3. P. 15.
- ⁶⁵ Kochanski H. *The Eagle Unbowed: Poland and the Poles in the Second World War*. Cambridge (Mass.), 2012. P. 352.
- ⁶⁶ Edento O'Malley, 12.XI.1943 // TNA, FO 954/19.
- ⁶⁷ Попытка организовать встречу исходила от Миколайчика. См.: For Prime Minister from Foreign Secretary, 17.XI.1943 // TNA, FO 800/410.
- ⁶⁸ W.P. (43) 438, *Western Frontiers of the U.S.S.R.*, Memo by Eden, 5.X.1943 // TNA, CAB/66/41/38.
- ⁶⁹ FRUS. Cairo and Tehran. P. 510.
- ⁷⁰ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 266.
- ⁷¹ W.P. (44) 8, *Records of the Anglo-American-Russian Conversations in Tehran [...]*, 7.I.1944 // TNA, CAB 66/45/8. Советская запись данной беседы не публиковалась.
- ⁷² Тегеранская конференция. С. 165.
- ⁷³ FRUS. Cairo and Tehran. P. 599–601.
- ⁷⁴ W.P. (44) 8, *Records of the Anglo-American-Russian Conversations in Tehran [...]*, 7.I.1944 // TNA, CAB 66/45/8.
- ⁷⁵ См.: СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 138.
- ⁷⁶ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 124.
- ⁷⁷ For Prime Minister from Foreign Secretary, 24.XII.1943 // TNA, FO 954/19.
- ⁷⁸ W.M. (43) 163rd Conclusions, Conf. Annex, 29.XI.1943 // TNA, CAB 65/40/14.
- ⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 102.
- ⁸⁰ FRUS. Cairo and Tehran. P. 510, 514; W.P. (44) 8, *Records of the Anglo-American-Russian Conversations in Tehran [...]*, 7.I.1944 // TNA, CAB 66/45/8.
- ⁸¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 101.
- ⁸² *Records of the Anglo-American-Russian Conversations in Tehran [...]*, 7.I.1944 // TNA, CAB 66/45/8.
- ⁸³ При публикации в данное высказывание Сталина было внесено изменение, «смягчившее» его тон: «Если будет решено разделить Германию. См.: Филитов А. М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. С. 22.
- ⁸⁴ FRUS. Cairo and Tehran. P. 603.
- ⁸⁵ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 274.
- ⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 102.
- ⁸⁷ См.: СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 252–263, 299–300, 309–312.
- ⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 103–104.
- ⁸⁹ АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 298.
- ⁹⁰ В американской записи беседы зафиксированы слова Сталина о «стратегических пунктах либо внутри Германии вдоль германских границ, либо даже дальше». См.: FRUS. Cairo and Tehran. P. 532.
- ⁹¹ Тегеранская конференция. С. 117–118.
- ⁹² Costigliola F. *Roosevelt's Lost Alliances: How Personal Politics Helped Start the Cold War*. Princeton, 2012. P. 200. Сталин, действительно, упоминал о Дакаре во время встречи с Рузвельтом 29 ноября. Не исключено, что он реагировал тем самым на замечание Рузвельта днем ранее о том, что «Дакар в ненадежных руках — прямая угроза для американцев». См.: FRUS. Cairo and Tehran. P. 509, 532.
- ⁹³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 64. При публикации запись была отредактирована. См.: Тегеранская конференция. С. 144.
- ⁹⁴ W.M. (43) 169th Conclusions, Conf. Annex, 13.XII.1943 // TNA, CAB 65/40/15.
- ⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Л. 103.
- ⁹⁶ Там же. Л. 4. При публикации запись была отредактирована. Вариант, зафиксированный в советской архивной записи, подтверждается и американскими источниками. См.: FRUS. Cairo and Tehran. P. 514.
- ⁹⁷ FRUS. Cairo and Tehran. P. 514.
- ⁹⁸ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 1. М., 1983. С. 269–273.

- ⁹⁹ Там же. С. 245, 253. См. также: СССР и Франция в годы Второй мировой войны / Отв. ред. М. М. Наринский. М., 2006. С. 154–181.
- ¹⁰⁰ W. M. (43) 169th Conclusions, Conf. Annex, 13.XII.1943 // TNA, CAB65/40/15.
- ¹⁰¹ Тегеранская конференция. С. 91.
- ¹⁰² Doenecke J., Stoler M. *Debating Franklin D. Roosevelt's Foreign Policies*. Oxford, 2005. P. 54.
- ¹⁰³ В Тегеране Сталин говорил негромко // Политический журнал. 05.IV.2004. № 12 (15).
- ¹⁰⁴ FRUS. Cairo and Tehran. P. 841.
- ¹⁰⁵ Ibid. P. 619–620, 623–625, 629, 648–649, 840–842.
- ¹⁰⁶ Ibid. P. 838.
- ¹⁰⁷ Dreyfus to Secretary of State, Dec. 9, 1943 // National Archives of the United States (далее — NA), Record Group (далее — RG) 59, 123 P. Hurley.
- ¹⁰⁸ Голованов А. Е. Указ. соч. С. 352.
- ¹⁰⁹ Чуев Ф. И. Молотов. Полудержавный властелин. М., 2002. С. 88.
- ¹¹⁰ Голованов А. Е. Указ. соч. С. 364. См. также: *The Rise and Fall of the Pahlavi Dynasty. Memoirs of Former General Hussein Fardust*. Delhi, 2008. P. 57.
- ¹¹¹ Жильев В., Гамов А. В поезде Сталина «зайцами» ехали уголовники // Комсомольская правда. — 7 мая 2007 г. Статья написана на основе рассекреченных документов из архива ФСО. См. также: ОГБ. Т. 4. Кн. 2. С. 613.
- ¹¹² *The Rise and Fall of the Pahlavi Dynasty*. P. 58
- ¹¹³ Чуев Ф. И. Указ. соч. С. 88–89.
- ¹¹⁴ О содержании беседы иранские власти проинформировали англичан. См.: From Tehran to FO, 7.XII.1943 // TNA, FO 371/35104. Советская запись беседы не публиковалась.
- ¹¹⁵ Один из примеров иранских опасений см. в: АВП РФ. Ф. 94. Оп. 27. П. 73. Д. 40. Л. 8.
- ¹¹⁶ АВП РФ. Ф. 94. Оп. 30. П. 75. Д. 18. Лл. 3, 7.
- ¹¹⁷ *The Visit of President Roosevelt to Tehran and Its Repercussions on Irano-American Relations*. 10.XII.1943 // NA, RG 84, U. S. Legation and Embassy, Tehran, Classified General Records, Conf. Correspondence 1943, Box 3.
- ¹¹⁸ Minute, 16.XII.1943 // TNA, FO 371/35104.
- ¹¹⁹ См., к примеру, реакцию Идена в: *Документы внешней политики СССР*. 1942. Т. 25. Кн. 1. Тула, 2010. С. 10.
- ¹²⁰ В Тегеране Сталин говорил негромко // Политический журнал. 05.IV.2004. № 12 (15).
- ¹²¹ *War Diaries 1939–1945. Field Marshal Lord Alanbrooke* / Ed. By A. Danchev and D. Todman. London, 2001. P. 483.
- ¹²² См. свидетельство Зарубиной в: В Тегеране Сталин говорил негромко // Политический журнал. 05.IV.2004. № 12 (15).
- ¹²³ Roll D. L. Op. cit. P. 321.
- ¹²⁴ См. впечатления Черчилля в: *Churchill & Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. 1* / Ed. By W. F. Kimball. Princeton, 1984. P. 566. См. также: Reynolds D. *From World War to Cold War: Churchill, Roosevelt, and the International History of the 1940s*. Oxford, 2006. P. 240.
- ¹²⁵ Логинов В. М. Живой Сталин. Откровения главного телохранителя Вождя. М., 2010. С. 51.
- ¹²⁶ Reynolds D. Op. cit. P. 240.
- ¹²⁷ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 8. Д. 63. Лл. 202–203.
- ¹²⁸ FRUS. Cairo and Tehran. P. 838.
- ¹²⁹ FRUS. Cairo and Tehran. P. 553–554. См. также: Costigliola F. Op. cit. P. 199; Watson D. *Molotov: a Biography* P. 213.
- ¹³⁰ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 2002. С. 191.
- ¹³¹ Чуев Ф. И. Указ. соч. С. 42.
- ¹³² СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 329.
- ¹³³ Nisbet R. *Roosevelt and Stalin* // *Modern Age*. 1986. Vol. 30. No. 2. P. 110.
- ¹³⁴ Выражение Майского. См.: Майский И. М. *Дневник дипломата*. Лондон, 1934–1943 / Отв. ред. А. А. Чубарьян. Кн. 2. Ч. 2. М., 2009. С. 250.
- ¹³⁵ Present at the Creation: Danny Mander Guarding the P.M. at Teheran, 1942–43. An Interview with Susan Kidder // *Finest Hour*. 2008. No. 138.
- ¹³⁶ В Тегеране Сталин говорил негромко // Политический журнал. 05.IV.2004. № 12 (15).
- ¹³⁷ Roll D. L. Op. cit. P. 323.
- ¹³⁸ Тегеранская конференция. С. 163.
- ¹³⁹ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 26. Д. 13. Л. 83.
- ¹⁴⁰ Невежин В. А. Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. М., 2007. С. 183.
- ¹⁴¹ Бережков В. М. Указ. соч. С. 98.
- ¹⁴² Логинов В. М. Указ. соч. С. 51, 125.
- ¹⁴³ Штеменко С. М. Указ. соч. С. 150.
- ¹⁴⁴ Волков Ф. Д. За кулисами Второй мировой войны. М., 1985. С. 190.

- ¹⁴⁵ Сиполс В. Я. Великая Победа и дипломатия. М., 2000. С. 187.
- ¹⁴⁶ Именно так она определена в оригинале послания — «great success» (см.: My Dear Mr. Stalin. P. 192). В переводе послания, вошедшем в «Переписку», смысл несколько скрадывается — «конференция была весьма успешной» (см.: Переписка. Т. 2. С. 111).
- ¹⁴⁷ W. M. (43) 169th Conclusions, Conf. Annex, 13.XII.1943 // TNA, CAB 65/40/15. Слова Идена из этого же отчета о том, что «премьер-министр и маршал Сталин установили прекрасные отношения», представляются все же преувеличенными.
- ¹⁴⁸ Roberts G. Stalin's Wars. P. 87.
- ¹⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 234. Лл. 103–104.
- ¹⁵⁰ The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945 / Ed. By D. Dilks. London, 1971. P. 582.
- ¹⁵¹ Голованов А. Е. Указ. соч. С. 365.
- ¹⁵² Roll D. L. Op. cit. P. 323.
- ¹⁵³ Kimball W. F. The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, 1991. P. 103.

ДОКУМЕНТЫ

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ МОСКОВСКОЙ И ТЕГЕРАНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИЙ 1943 Г.

Публикация и перевод (документы № 5 и 6) И. Э. Магадеева

Документ № 1.

План встречи, размещения, протокольного приема, обслуживания, приема в Кремле и проводов английской и американской делегаций на совещании трех¹

Сов. Секретно

УТВЕРЖДАЮ. [Подпись]
(В. Молотов)

9. X. 43 г.

ПЛАН

встречи, размещения, протокольного приема, обслуживания, приема в Кремле и проводов английской и американской делегаций на совещании трех.

1. Встреча в Тегеране.

[а) На тегеранском аэродроме английскую и американскую делегации встречает и провожает Поверенный в Делах т. Максимов]

а) На тегеранском аэродроме английскую и американскую делегации встречают и провожают Поверенный в Делах т. Максимов², советник т. Садчиков³, военный атташе полковник Разин⁴, Нач. Сов. Транспортного Управления генерал Королев⁵ и Торгпред т. Мигунов⁶.

¹ Имеется в трех вариантах: публикуемый ниже; проект (датирован 6 октября); документ с пометкой 2-го Европейского отдела НКВД (1323/2ЕО; стоит дата 22 октября). Текст проекта, отличный от итогового плана, дается курсивом в квадратных скобках. Отличия между публикуемым ниже текстом и вариантом, датированным 22 октября, незначительны.

² Максимов Михаил Алексеевич (1901–1978?), в 1942–1944 гг. советник посольства СССР в Иране, в 1944–1946 гг. посол СССР в Иране.

³ Садчиков Иван Васильевич (1906–1989), в 1939–1943 гг. сотрудник центрального аппарата НКВД, в 1943–1945 гг. заведующий Средневосточным отделом НКВД СССР.

⁴ Разин Борис Григорьевич (1905–1976), в 1941–1949 гг. военный атташе при посольстве СССР в Иране.

⁵ Генерал Королев А. М., начальник советского транспортного управления в Иране, занимавшегося вопросами ленд-лиза.

⁶ Мигунов В. П. (1903–?), в 1942–1945 гг. торговый представитель СССР в Иране.

[Для встречи английской и американской делегаций в Тегеране и сопровождения глав делегаций до Москвы командировать в Тегеран т.т. Новикова и Зарубина] Кроме того, для встречи английской и американской делегаций в Тегеране и сопровождения глав делегаций до Москвы в Тегеран командированы т.т. Волохов К. и Тимофеев А.

2. Встреча на аэродроме в Москве.⁷

а) Делегации встречают следующие т.т.:

Молотов В. М.
Литвинов М. М.
[Деканозов В. Г.
Крутиков⁸]
Деканозов В. Г.
Майский И. М.
Степанов М. С.⁹ — НКВТ
Синилов¹⁰ — комендант г. Москвы
Яснов¹¹ — Зам. Председателя Моссовета
Голиков¹² — Представитель НКО
Новиков К. В.¹³
Зарубин Г. Н.¹⁴
Евстигнеев¹⁵ — ОВС НКО
Фомин Г. М.¹⁶ —
Кириллов¹⁷ — НКВТ

б) Для встречи выставляется почетный караул, вывешиваются советские, английские и американские флаги и исполняются гимны этих стран.

3. Протокольные визиты.

[Если английская и американская делегации прибудут в один день, то вечером того же дня или на другой день главы английской и американской делегаций наносят протокольный визит:

а/ Тов. Сталину И. В. в присутствии тов. Молотова В. М. или¹⁸

б/¹⁹Только тов.²⁰ Молотову В. М., а затем тов. Сталину И. В. в присутствии тов. Молотова В. М.²¹]

Если английская и американская делегации прибудут в один день, то вечером того же дня или на другой день главы английской и американской делегаций наносят протокольный визит вместе или раздельно тов. Молотову В. М.

⁷ На полях дописано: Павлов В. Н., Подцероб Б. Ф. Имелись в виду: Павлов Владимир Николаевич (1915–1993), в 1941–1947 гг. сотрудник центрального аппарата НКВД (с 1946 г. — МВД) СССР, переводчик с английского во время бесед И. В. Сталина и В. М. Молотова; Подцероб Борис Федорович (1910–1983), в 1943–1949 гг. старший помощник Молотова.

⁸ По всей видимости, имелся в виду: Крутиков Алексей Дмитриевич (1901/2–1962), в 1938–1948 гг. заместитель, затем 1-й заместитель народного комиссара (с 1946 г. — министра) внешней торговли СССР.

⁹ Степанов Михаил Степанович (1897–1966), заместитель наркома внешней торговли СССР.

¹⁰ Синилов Кузьма Романович (1902–1957), генерал-майор (позднее генерал-лейтенант), в 1941–1953 гг. военный комендант Москвы.

¹¹ Яснов Михаил Алексеевич (1906–1991), в 1938–1949 гг. заместитель председателя Московского городского совета.

¹² По всей видимости, имелся в виду: Голиков Филипп Иванович (1900–1980), генерал-полковник (позднее маршал), в 1943–1950 гг. начальник главного управления кадров НКО (с 1946 г. — МО) СССР.

¹³ Новиков Кирилл Васильевич (1905–1983), в 1942–1947 гг. заведующий II Европейским отделом НКВД (с 1946 г. — МИД) СССР.

¹⁴ Зарубин Георгий Николаевич (1900–1958), в 1941–1944 г. заведующий Отделом американских стран НКВД СССР.

¹⁵ Евстигнеев Владимир Николаевич (1900–1964), генерал-майор, в 1941–1945 гг. начальник Отдела внешних сношений НКО СССР.

¹⁶ Сотрудник II Европейского отдела НКВД СССР.

¹⁷ Кириллов В. Г., начальник протокольной части НКВТ СССР.

¹⁸ Слово «или» вписано от руки.

¹⁹ Затем исправлено на: а/

²⁰ Затем исправлено на: Тов.

²¹ Текст «а затем тов. Сталину И. В. в присутствии тов. Молотова В. М.» вписан от руки.

4. Ответный визит.²²

В ответ на визит Хэлла и Идена тов. Молотов В. М. посылает им свою визитную карточку. Остальное время этого дня делегации посвящают отдыху.

5. Прикомандирование к Идену и Хэллу ответственных работников НКВД.

Со дня приезда Министров прикомандировать к Идену — Референта Протокольного Отдела т. Волохова К., а к Хэллу — Отв. Референта Отдела Печати т. Тимофеева А. Т. Волохов и Тимофеев должны находиться в распоряжении лиц, к которым они прикомандированы, в течение всего времени нахождения Министров в Москве.

6. Размещение делегаций.

а) В соответствии с пожеланием англичан Иден и [15] 16 сопровождающих его лиц размещаются в зданиях английского посольства.

[б) Хэлл и 4 члена американской делегации размещаются в особняке по Мертвому переулку. Согласиться, если того пожелают американцы, с размещением Хэлла, части или всей американской делегации в зданиях американского посольства. Предварительно запросить американское посольство о плане размещения членов делегации]

б) в соответствии с пожеланием американцев Хэлл и четыре члена американской делегации размещаются в зданиях американского посольства.

Генералы Дин²³ и Вандерберг²⁴ и их помощники размещаются в помещениях Американской Миссии Снабжения.

[в) Для размещения остального состава английской и американской делегаций, а также для размещения команд английских и американских самолетов, предоставить три этажа гостиницы «Савой». «Савой» предлагается по той причине, что в «Метрополе» проживают японцы и иностранные корреспонденты, а «Националь» заселен дипломатическим составом инспосольств и миссий, выселение которого будет сопряжено с осложнениями]

в) Остальную часть английской и американской делегаций, а также команды английских и американских самолетов, всего в составе 45 человек американцев и 40 человек англичан, разместить в гостинице «Националь», поручив тов. Краснову²⁵ («Интурист») к 14 октября освободить в этой гостинице 65 номеров.

г) Оплата помещений, фактически занимаемых делегациями, должна производиться соответственно за счет делегаций.

д) В качестве рабочего помещения для совещания трех выделить особняк по Спиридоновке 17.

7. Питание.

а) Для проживающих в гостинице питание организуется «Интуристом» за счет средств делегаций. Поручить Наркомторгу СССР т. Шарову²⁶ отпустить «Интуристу» дополнительные фонды продуктов.

б) В соответствии с пожеланиями Английского Посольства, члены английской делегации, размещающиеся в здании Посольства, обеспечиваются продуктами из магазина д/к²⁷. То же следует сделать и в отношении американской делегации, размещающейся в здании Американского Посольства.

в) Разрешить составу обеих делегаций для расходов по оплате помещения и питанию произвести обмен инвалюты на советскую валюту по дипломатическому курсу.

г) На время деловых заседаний в особняке организовать буфет (чай, кофе, холодная закуска, фрукты, коктейль, папиросы). *[Организацию буфета поручить 1-му Отделу НКГБ за счет средств НКВД]* Организацию буфета поручить т. Егнатшвили²⁸ за счет средств НКВД.

д) Бюробину²⁹ отпускать в распоряжение английского и американского посольства бензин для нужд, связанных с обслуживанием делегаций по фактической потребности.

8. Транспорт.

Для обслуживания личного состава делегаций автотранспортом выделить (с шоферами и бензином):

а) из гаража СНК СССР — 10 машин,

²² Рядом с текстом стоит: (?).

²³ Дин Джон Рассел (1896–1982), генерал-майор, в 1943–1945 гг. глава военной миссии США в СССР.

²⁴ Вандерберг Хойт Сенфорд (1899–1954), полковник (позднее генерал) ВВС США, в 1943–1944 г. глава военно-воздушной миссии США в СССР.

²⁵ Краснов П. Е., в 1941–1945 гг. глава «Интуриста».

²⁶ Шаров А. В. (1900–?), заместитель наркома торговли СССР.

²⁷ По всей видимости: «магазин для дипломатического корпуса».

²⁸ Егнатшвили (Егнатшвили) Александр Яковлевич (1887–1948), комиссар государственной безопасности, в 1941–1943 гг. заместитель начальника 1-го отдела НКВД, затем в НКГБ.

²⁹ Бюро по обслуживанию иностранцев.

- б) из гаража НКВД СССР — 10 машин,
в) из гаража НКО — 10 машин.

[Автомобиль предоставляется бесплатно. Ответственный за транспорт т. Федоров. НКГБ]

Расходы по транспорту принять на счет НКВД.

Отв. за транспорт тов. Райхман³⁰ (НКГБ СССР).

9. Бомбоубежище.

На случай воздушных тревог, предоставить для состава делегаций бомбоубежище на ст. метро «Кировские Ворота».

10. Кинолентки и фотографирование.

Приезд и проводы делегаций заснять на кинолентку.

11. Средства.

Обязать НКФ СССР отпустить в распоряжение НКВД аванс в сумме 100 тыс. рублей на расходы, связанные с обслуживанием делегаций.

12. Досуг (театр, кино и пр.)

Исходя из 10–12-дневного пребывания делегаций в Москве предполагается следующий план посещения театров и др. видов развлечения:

а) Большой театр «Лебединое озеро» и «Иван Сусанин».

б) Ансамбль проф. Александрова³¹ (Консерватория).

в) В особняке по Спиридоновке показать кинохронику (в том числе приезд делегаций), «Орловскую битву», «Швейк против Гитлера», киножурналы.

[г) Показать 2–3 колхоза, университет, школы, окрестности Москвы, 2–3 госпиталя, если того пожелают делегации]

г) Показать колхоз, завод, ВУЗ, школы, 2–3 госпиталя, если того пожелают делегации.

[13. По окончании работ Конференции советская сторона тов. И. В. Сталин устраивает обед в Кремле в честь Идена и Хэлла]

13. По окончании работ Конференции устраивается от имени т. Сталина И. В. обед в Кремле в честь Идена и Хэлла.

14. Проводы.

Порядок проводов такой же, как и встречи. На проводах участвуют те же лица, что и на встрече.

Разослано:

т. Вышинскому,

т. Деканозову,

т. Меркулову,

Протокол. Отд.,

Отд. Америки,

2-й Европ. Отд.

Верно: [Подпись: (Успенская)]

АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 27. П. 150. Д. 18. Лл. 23–25.

Проект: АВП РФ. Ф. 069. Оп. 27а. П. 85. Д. 25. Лл. 35–39.

Документ №2.

Записка заместителя народного комиссара иностранных дел СССР А. Е. Корнейчука наркомму иностранных дел СССР В. М. Молотову.

Секретно.

«10» октября 1943 г.

Тов. В. М. Молотову.

Направляю на Ваше рассмотрение материалы и предложения, подготовленные комиссией, по вопросам (п.п. 8 и 11) предстоящего совещания Трех.

³⁰ По всей видимости, имелся в виду: Райхман Леонид Федорович (1908–1990), комиссар государственной безопасности (позднее генерал-лейтенант), в 1943–1951 гг. заместитель 2-го Управления НКГБ (с 1946 г. — МГБ) СССР.

³¹ Александров Александр Васильевич (1883–1947), генерал-майор, с 1928 г. глава Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски СССР.

Комиссией подготовлены:

1. Справка и досье документов по вопросу о польско-чехословацкой конфедерации³².
2. Справка по вопросу о союзах и проектах федерации на Балканах.
3. Юридическая справка о федерациях и конфедерациях.
4. Проект предложения по вопросу об объединении стран Европы — памятная записка в ответ на ноту Керра от 6 октября с.г. по этому вопросу (п. 11 плана работы совещания).
5. Справка по вопросу о совместной политике в отношении движения сопротивления в Югославии.
6. Проект ответа на английское предложение по вопросу: «Совместная политика в отношении движения сопротивления в Югославии». (См. ноту Керра от 8 октября с.г. с предложением по п. 8).

Кроме того комиссией подготовлены справки и досье по вопросу о планах будущего устройства Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии, Греции, Румынии и Венгрии (по высказываниям политических деятелей, прессы и по документам НКВД).

Законченную справку и досье по Болгарии направляю также на Ваше рассмотрение.

[Подпись: (А. Корнейчук³³)]

1. Первым вопросом повестки дня совещания поставить вопрос о мероприятиях по сокращению сроков войны против Германии и ее союзников в Европе.

Этот вопрос внести в следующей формулировке:

«Советское Правительство предлагает рассмотреть вопрос о мероприятиях по сокращению сроков войны против Германии и ее союзников в Европе. Имеются в виду такие безотлагательные мероприятия со стороны Правительств Великобритании и США еще в 1943 г., которые обеспечат вторжение англо-американских армий в Западную Европу через Ла-Манш, и которые, наряду с мощными ударами советских войск по основным силам германской армии на советско-германском фронте, должны коренным образом подорвать военно-стратегическое положение Германии и привести к решительному сокращению сроков войны».

2. Сообщить совещанию содержание полученных от ампра³⁴ и англопра³⁵ ответов на предложение совпра³⁶ по этому вопросу.

3. Предложить высказаться представителям обоих правительств, в целях уточнения позиции этих правительств и определения мероприятий и связанных с этими мероприятиями обязательств Правительств Англии и Америки по данному вопросу.

4. Отвести возможные попытки свести обсуждение вопроса к военно-технической стороне дела. В случае, если англичане и американцы будут все же предлагать обсудить военно-техническую сторону дела, не возражать, но ограничиться лишь заслушиванием информации военных экспертов.

5. Так как в результате обсуждения этого вопроса на совещании английские и американские представители, очевидно, не согласятся на какие-либо обязательства в духе нашего предложения, то, подводя итог этому обсуждению, сделать заявление, текст которого представить для занесения в протокол совещания.

Текст заявления: «Советское Правительство, внося на обсуждение тройственного совещания вопрос о мероприятиях по сокращению сроков войны против Германии и ее союзников в Европе, имело в виду следующее.

Как известно, еще летом 1942 г., во время посещения В. М. Молотовым Лондона и Вашингтона, по согласованию между тремя Правительствами были приняты и опубликованы англо-советское и советско-американское коммюнике о договоренности в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году.

Как известно, вторжение англо-американских войск в Западную Европу в 1942 г., осуществлено не было. Но тогда же вновь было заявлено о ведущихся приготовлениях к вторжению на континент Европы англо-американских войск в большом масштабе в 1943 году.

В начале 1943 года г. Черчилль и г. Рузвельт дважды сообщали о своих решениях осуществить вторжение в Западную Европу, причем ставилась задача доставить Германию на колени уже в 1943 году, а срок вторжения определялся не позже сентября месяца. В мае 1943 г.³⁷ г. Черчиллем и г. Рузвельтом было принято решение, вновь откладывающее вторжение англо-американских войск в Западную Европу на весну 1944 года³⁸.

³² Здесь и далее подчеркнуто и выделено Молотовым.

³³ Корнейчук Александр Евдокимович (1905–1972), в 1943–1944 гг. заместитель наркома иностранных дел СССР.

³⁴ Американского правительства.

³⁵ Английского правительства.

³⁶ Советского правительства.

³⁷ Текст «В мае 1943 г.» обведен в кружок.

³⁸ Текст всего предложения подчеркнут вертикальной волнистой чертой на полях.

В конце августа 1943 г. Советскому Правительству было сообщено совместное решение Английского и Американского Правительств, принятое на совещании в Квебеке. В этом решении говорится о военных операциях, которые должны быть приняты в течение 1943 и 1944 г.г., причем ничего не говорится о мероприятиях по осуществлению ранее принятых решений относительно форсирования канала и вторжения в Западную Европу ни осенью 1943 года, ни даже весной 1944 года, как об этом неоднократно заявлялось Английским и Американским Правительствами в течение всего текущего года.

В связи с вышеизложенным и учитывая, что вооруженные силы Советского Союза все еще вынуждены противостоять подавляющей части вооруженных сил Германии и ее союзников, и придавая исключительно важное значение решительному сокращению сроков войны и военного поражения Германии, Советское Правительство не может не выразить своего неудовлетворения по поводу[«].

АВПРФ. Ф. 06. Оп. 5-6. П. 39. Д. 6. Лл. 4-7.

Документ №3. Записка народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова в Политбюро ЦК ВКП (б) с приложениями

Копия.

В Политбюро ЦК ВКП (б)
тов. И. В. Сталину.

Копии: т.т. К. Е. Ворошилову, А. И. Микояну, Л. П. Берия, Г. М. Маленкову.

В связи с предстоящим Совещанием Представителей СССР, США и Великобритании препровожаю:

1. Список вопросов, представленных Правительствами трех держав к обсуждению на Совещании.
2. Проекты предложений Советской Делегации по большинству вопросов; остальные предложения будут представлены дополнительно.

[Подпись: (В. Молотов)]

18 октября 1943 года.

К совещанию трех.

1.

СПИСОК ВОПРОСОВ

1. Рассмотрение мероприятий по сокращению сроков войны против Германии и ее союзников в Европе.
СССР.
(Есть советские предложения)
2. Обмен мнениями о положении в Италии и на Балканах.
Великобритания
(Английских предложений нет)
3. Создание аппарата для рассмотрения вопросов, требующих повседневного и тесного сотрудничества, в особенности функции и компетенция Политико-Военной Комиссии в Алжире.
Великобритания.
(Английских предложений нет)
4. Методы рассмотрения текущих политических и экономических вопросов, а также тех, которые могут возникнуть в ходе войны.
США.
(Американских предложений нет)
5. Мирные пробные шары со стороны вражеских государств.
Великобритания.
(Английская информация от 14.X. с.г. об условиях капитуляции Румынии).
6. Вопрос о соглашении между главными и малыми союзниками по послевоенным вопросам.
Великобритания.
(Английское предложение есть)
7. Совместная политика в отношении движения сопротивления в Югославии.
Великобритания.
(Английское предложение есть)

8. Политика в отношении территории союзных стран, освобождаемой в результате наступления вооруженных сил союзников.

Великобритания.

(Английское предложение есть)

9. Отношение к Французскому Комитету, в особенности его положение во французской метрополии и создание возможного французского правительства.

Великобритания.

(Английских предложений нет).

10. Совместная политика в отношении Турции.

Великобритания.

(Английское предложение есть).

11. Совместная политика в Иране.

Великобритания.

(Английское предложение есть).

12. Экономические вопросы реконструкции.

а) Сотрудничество в возмещении военного ущерба в СССР.

б) Совместные действия по оказанию помощи другим странам.

в) Сотрудничество на международной основе при рассмотрении таких вопросов, как продовольствие и сельское хозяйство, транспорт и средства связи, финансы и торговля, и международное бюро труда.

г) Вопрос о репарациях.

д) Любые особые вопросы, которые может пожелать поставить любое из двух других правительств.

США.

(Американских предложений нет)

13. А. Принципиальное соглашение в отношении обращения с Германией и другими вражескими странами в Европе.

а) в течение периода перемирия, например, контрольная комиссия и пр.

б) при мирном урегулировании, например, граница, военная оккупация, разоружение, репарации, децентрализация германской правительственной системы и т.д. (Австрия).

Великобритания.

(Английских предложений нет, кроме вопроса об Австрии).

Б. Обращение с Германией и другими вражескими странами в Европе.

а) Международный военный, политический и экономический контроль над Германией в течение периода перемирия.

б) Шаги, направленные к окончательному урегулированию: будущий статут германской правительственной системы, границы и другие вопросы, срок периода перемирия.

США.

14. Отношение между СССР и Польшей и политика в отношении Польши вообще.

Великобритания.

(Английских предложений нет).

15. Будущее Польши, дунайских и балканских стран, включая вопросы федераций.

Великобритания.

(Английских предложений нет).

16. Вопрос о совместной ответственности за Европу в противоположность вопросу об отдельных районах ответственности.

Великобритания.

(Английское предложение есть — Декларация Трех).

На случай, если американцы предложат дать свой проект «Декларации Четырех» от имени трех наций:

17. Декларация трех наций по вопросу о всеобщей безопасности.

США.

(Предложение есть — Декларация Трех).

К совещанию трех.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

представленные группами НКВД по пунктам английской и американской повестки дня

По п. 1 /англ. повестки/

Обмен мнениями о положении в Италии и на Балканах

/т. Суриц³⁹, Штейн⁴⁰, Горелкин⁴¹, Костылев⁴², Сергеев⁴³, Голунский⁴⁴/

Представлены:

а/ Положение в Италии /записка на 12 стр./.

Предложение или вывод:

Реорганизация кабинета /Бадольо/ до изгнания немцев из Рима /стр. 12/.

б) Положение на Балканах /записка на 12 стр./.

Предложение:

... «Представляется желательным при обмене мнений на предстоящей Конференции внести больше ясности в вопрос о форме и характере будущей власти на освобожденных территориях Греции и Югославии.

Разработку этих вопросов можно было бы сосредоточить в военно-политической комиссии» /стр. 10/.

Территориальные проблемы Балканского п/о

Предложение:

Обсуждение этого вопроса в настоящий момент было бы нежелательно. Оно преждевременно поставило бы некоторые особо деликатные вопросы, по которым нет надобности в данный момент расшифровать нашу позицию. Вполне достаточно было бы ограничиться фиксацией негативной позиции по отношению к территориальным проблемам Балканского п/о. Эта позиция свелась бы к декларации о том, что Союзные державы не признают никаких территориальных изменений, происшедших на Балканах со времени нападения Италии на Албанию /апрель 1939 г./, Италии на Грецию /октябрь 1940 г./ и Германии на Грецию и Югославию /апрель 1941 г./ /стр. 11–12 т. Суриц/.

в/ О «совоюющей стране» /справка на 5 стр./.

«Таким образом, понятие «совместно воюющей страны» в английском толковании есть чисто фактическое понятие, при котором остаются в силе все юридические обязанности Италии, установленные соглашением о перемирии /выдача преступников войны, оплата репараций и т.д./ . Союзники будут вправе, но не обязаны сделать с этих условий те или иные скидки в пользу Италии, если она это «заслужит».

Вряд ли есть основания возражать против такой постановки вопроса. Мы при этом ничего не теряем, а выигрываем не только военную помощь итальянской армии и флота, но и возможность на основе лозунга борьбы с фашистской Германией облегчить мобилизацию всех антифашистских сил Италии и более решительное выкорчевывание остатков фашизма в самой Италии.

Следовало бы лишь возражать против намечающегося в английском толковании отождествления признания Италии в качестве «совместно воюющей страны» с признанием правительства Бадольо. Войну с Германией могло бы вести более решительно другое правительство, не скомпрометированное, как правительство Бадольо, личным участием его членов в осуществлении фашистской агрессии[»].

г/ Англо-греческие отношения /справка/

Предложений нет

д/ Греко-американские отношения /справка/

Предложений нет

е/ Англо-югославские отношения /справка/

Предложений нет

ж/ Американско-югославские отношения /справка/

Предложений нет

По п. 2

Материалы не представлены.

Предложений нет

/т. Вышинский, Голунский, Грибанов⁴⁵/

³⁹ Суриц Яков Захарович (1882–1952), в 1940–1945 гг. сотрудник центрального аппарата НКВД СССР, член Комиссии по послевоенному устройству (Комиссия Литвинова).

⁴⁰ Штейн Борис Ефимович (1892–1961), в 1940–1945 гг. сотрудник Высшей дипломатической школы НКВД СССР, член Комиссии по послевоенному устройству (Комиссия Литвинова).

⁴¹ Горелкин Николай Васильевич (1899–?), сотрудник НКВД СССР, бывший посол СССР в Италии (1939–1941).

⁴² Костылев Михаил Алексеевич (1900–1974), в 1942–1944 гг. советник посольства СССР в Турции, в 1944 г. представитель СССР при правительстве Италии.

⁴³ Сергеев Михаил Григорьевич (1903–?), в 1939–1943 гг. сотрудник центрального аппарата НКВД СССР, в 1943–1945 гг. заведующий Европейским отделом НКВД СССР, бывший генеральный консул СССР в Милане (1937–1939).

⁴⁴ Голунский Сергей Александрович (1895–1962), в 1941–1945 гг. эксперт-консультант Договорно-правового отдела НКВД СССР.

⁴⁵ Грибанов Михаил Григорьевич (1906–1987), в 1943–1945 гг. помощник заместителя наркома иностранных дел А.Я. Вышинского.

По п. 3

Вопрос о совместной ответственности за Европу в противоположность вопросу об отдельных районах ответственности.

/т. Литвинов, Деканозов, Саксин⁴⁶/.

Представлена записка на 15 стр.

Выводы и предложения.

Иден и Хэлл могут в достаточной мере удовлетвориться общей декларацией о том, что в основном вопросе об отношении с Германией после⁴⁷ констатируется солидарность между тремя правительствами, а именно, что будут приняты все необходимые меры, предупреждающие возможность агрессии Германии в будущем. Идену и Хэллу должно быть раз^{яснено}, что не в интересах союзников теперь же прокламировать те крайние меры, к которым придется прибегнуть для обезвреживания Германии в качестве агрессора и максимального ослабления ее, в этих целях, в военном, экономическом и территориальном отношениях, и что публичное обсуждение этих мер будет лишь на пользу Гитлеру, поскольку оно может спланировать немцев и усиливать их сопротивление.

Если Иден и Хэлл не удовлетворятся общей декларацией об отсутствии серьезных разногласий и будут настаивать на обсуждении намеченных ими проблем в отдельности, то мы вправе потребовать от них, как инициаторов, конкретных предложений по этим проблемам. Это нужно для того, чтобы нам не приписывалась инициатива тех крайних мероприятий, к которым придется прибегать в обращении с Германией. Мы сможем тогда отвечать согласием на некоторые предложения, некоторые из них отвергать, а по другим выдвигать наши контр-предложения.

Можно догадываться, что их интересует вопрос о возможности участия в оккупации побежденных стран военных сил всех союзников, и не только тех из них, которые первыми непосредственно займут эти страны.

Предложение: Нам надо поэтому решить, готовы ли мы уже на данной стадии связать себя какими-либо обязательствами в отношении Германии и ее сателлитов.

В вопросах длительной оккупации /поскольку нет разработанных материалов/ придется использовать опыт Италии и вновь созданной Военно-политической Комиссии /стр. 31–32/

По п. 7

Совместная политика в отношении Турции.

/Т. Кавтарадзе⁴⁸, Суриц, Лаврентьев⁴⁹, Костылев/.

Представлена записка.

По п. 8

Совместная политика в отношении движения сопротивления в Югославии

/т. Корнейчук, Зорин⁵⁰/.

Представлена записка /Зорина-Сергеева/ на 14 стр.

По п. 9

Мирные пробные шары со стороны вражеских государств /Венгрия, Румыния/.

/т. Новиков К. В., Смирнов⁵¹/.

Представлена записка.

Работа забракована и возвращена для переделки как неудовлетворительная.

По п. 10

Отношение к Французскому Комитету, в особенности его положение во Французской метрополии, и создание возможного французского правительства.

⁴⁶ Саксин Георгий Филиппович (1904–1982), в 1942–1943 гг. секретарь Комиссии по подготовке дипломатических материалов, в 1943–1944 гг. советник посольства СССР при союзных правительствах в Лондоне.

⁴⁷ Так в тексте. По всей видимости, имеется в виду «после войны».

⁴⁸ Кавтарадзе Сергей Иванович (1885–1971), в 1941–1943 гг. заведующий Средневосточным отделом НКВД СССР, в 1943–1945 гг. заместитель народного комиссара иностранных дел СССР.

⁴⁹ Лаврентьев Анатолий Иосифович (1904–1984), в 1941–1943 гг. ответственный сотрудник ТАСС, в 1943 г. заведующий I Европейским отделом НКВД СССР, в 1943–1944 гг. заведующий Ближневосточным отделом НКВД СССР.

⁵⁰ Зорин Валериан Александрович (1902–1986), в 1943–1945 гг. заведующий IV Европейским отделом НКВД СССР.

⁵¹ Смирнов Андрей Андреевич (1905–1982), в 1941–1943 гг. посол СССР в Иране, в 1943–1949 гг. заведующий III Европейским отделом НКВД (с 1946 г. — МИД) СССР.

/т. Лозовский⁵², Мануильский⁵³/.

Представлена справка на 45 стр. «О позиции США и Англии во французском вопросе».

В справке имеются выводы — 4 пункта:

1. Они хотят установить в послевоенной Франции режим реакции, способный подавить революционное движение в стране.

2. Англия и США не намерены допустить полного восстановления Французской империи в прежних ее размерах.

3. Делают ставку на реакционные силы Франции.

4. Между Англией и США имеются противоречия по вопросу о гегемонии над Францией.

Кроме того, 7.X.43 г. т.т. Лозовский и Мануильский дали предложения: «Наша тактика на конференции по французскому вопросу».

По п. 11.

Будущее Польши, дунайских и балканских стран, включая вопрос о Финляндии.

/т. Корнейчук, Павлов А. П.⁵⁴, Новиков Н. В.⁵⁵, Зорин/

а/ Будущее Польши

Представлена справка и досье.

Предложений нет

б/ Будущее Болгарии

Представлена справка /Зорина-Сионского/

В конце справки даются

«Наши возможные позиции»:

Сейчас нам невыгодно выступать с поддержкой болгарских территориальных претензий.

Если удастся добиться поворота во внешней политике Болгарии, некоторые претензии могут быть приняты во внимание. Можем поддержать требование Болгарии на сохранение в ее руках части Фракии у Эгейского моря.

в/ «Союзы (Альянсы) и проекты Федераций на Балканах» /с 1912 г./.

/Составители и эксперты-консультанты С. Крылов⁵⁶ и И. Перетерский⁵⁷/.

Предложений нет

г/ «Распределение компетенций в Федерациях»

Исторический обзор А. П. Павлова по конституциям

США 1787 г.

Швейцарии 1874 г.

Канады 1867 г.

Австралийского Союза 1900 г.

/Акт/ Южно-Афр. Союза 1909 г.

Германии 1919 г.

д/ Польско-чехословацкая конфедерация

Представлены обширные досье по этому вопросу и справка Новикова Н. В. от 9. X. 1943 г.

Имеются выводы /на одной странице/

Об отношении правительств Англии, США, Чехословакии и Польши к вопросу о Польско-чехословацкой конфедерации.

Предложений нет.

⁵² Лозовский (Дридзо) Соломон Абрамович (1878–1952), в 1939–1946 гг. заместитель наркома (с 1946 г. — министра) иностранных дел СССР.

⁵³ Мануильский Дмитрий Захарович (1883–1959), в 1922–1943 гг. на руководящих постах в Коминтерне, в 1942–1944 гг. на руководящей работе в ЦК ВКП(б) и Главном политическом управлении Красной Армии.

⁵⁴ Павлов Алексей Павлович (1905–1982), в 1939–1945 гг. заместитель заведующего, заведующий Правовым отделом НКВД СССР.

⁵⁵ Новиков Николай Васильевич (1903–1989), в 1941–1943 гг. заведующий IVЕвропейским отделом НКВД СССР, в 1943–1945 гг. посланник СССР в Египте.

⁵⁶ Крылов Сергей Борисович (1888–1958), в 1942–1946 гг. эксперт-консультант Правого отдела НКВД СССР, член Комиссии по вопросам перемирия (Комиссия Ворошилова).

⁵⁷ Перетерский Иван Сергеевич (1889–1956), в 1943–1947 гг. эксперт-консультант, затем заместитель начальника Правого отдела НКВД (с 1946 г. — Договорно-правового управления МИД) СССР.

По п. 12

Совместная политика в Иране.

/т. Кавтарадзе, Смирнов, Михайлов⁵⁸/.

Материал не представлен.

По п. 13

Послевоенное экономическое сотрудничество.

/т. Барановский⁵⁹, Зарубин, Арутюнян⁶⁰, Аркадьев⁶¹, Микоян/.

По п. 14

Декларация 4-х стран /ам. проект плюс англ. поправки/.

Материал не представлен.

п. 15 /вне повестки/

ФИНЛЯНДИЯ

/т. Лозовский, Саксин/.

Представлена справка /обзор англ. и американской печати/ с выводами.

Предложений нет.

По п. 16

Методы рассмотрения текущих политических и экономических вопросов /пункт из американской повестки/.

/т. Литвинов/.

Представлена записка т. Литвинова на 3 стр. от 6. X. 43 г. с предложениями.

Предложение американцев о создании аппарата для совместного решения вопросов Л. считает приемлемым и выгодным, поскольку:

1. все спорные вопросы решаются совместно,
2. легче разоблачать сговор Англии и США,
3. легче иметь полную информацию о стратегических планах США и Англии,
4. легче оказывать постоянное давление на Англию и США,

Должны добиваться создания Комиссии в Москве.

АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5-б. П. 39. Д. 6. Лл. 16–27.

Документ №4. Из воспоминаний З. В. Зарубиной о Тегеранской конференции 1943 г.

[...]

— Каковы ваши личные впечатления от лидеров «большой тройки»?

— Не приходится говорить о том, что они все трое были совершенно разные. Я впервые видела Иосифа Виссарионовича Сталина. Однажды утром он пришел навестить Рузвельта и узнать, как тот себя чувствует. А переводчиков не было. Я там оказалась. Сталин говорит: я могу к нему пройти? Я зашла к Рузвельту, спросила — пожалуйста! Я оказалась, таким образом, с утра между двумя лидерами государств антигитлеровской коалиции. Разговор начался с простых вопросов Сталина к Рузвельту: как вы себя чувствуете? как вы спали? Президент США отвечал: да я спал хорошо, мне здесь все нравится, но с утра в пруду квакали лягушки — я никак не мог заснуть. Я повернулась, смотрю на Сталина и от сильного волнения забыла, как будут «лягушки» по-русски. Говорю: Иосиф Виссарионович, те маленькие зеленые животные, которые так квакают в пруду, не давали президенту Соединенных Штатов спать. Я всегда начинаю свои воспоминания именно с этого момента, поскольку это был своего рода шок и провал.

⁵⁸ Михайлов Константин Александрович (1904–1985), в 1943–1944 гг. посол СССР в Иране.

⁵⁹ Барановский Анатолий Максимович (1906–1987), в 1942–1944 гг. эксперт-консультант НКВД СССР.

⁶⁰ Арутюнян Амазасп Авакимович (1902–1971), в 1943–1944 гг. сотрудник центрального аппарата НКВД СССР, в 1944–1954 гг. заместитель заведующего, заведующий Экономическим отделом НКВД (с 1946 г. — МИД) СССР.

⁶¹ Аркадьев Георгий Петрович (1905–1993), в 1936–1943 гг. сотрудник центрального аппарата НКВД СССР, в 1944–1947 гг. заместитель заведующего Экономическим отделом НКВД (с 1946 г. — МИД) СССР.

— Что вам запомнилось в облике Сталина?

— Я была просто поражена, что он такого невысокого роста. Он был не выше меня, и это меня очень удивило. Лицо у Верховного главнокомандующего показалось мне очень утомленным (я говорю уже обо всех остальных встречах, на которых мне довелось бывать). Он редко смотрел в глаза. Те несколько случаев, когда мне приходилось быть связующим звеном, в глаза он не смотрел, глядел вроде как в сторону, практически непрерывно куря свою «Герцеговину Флор». Но когда он уж смотрел, было такое ощущение, что ему видно все насквозь. С тех пор у меня навсегда сохранилось впечатление от этого пронизывающего взгляда.

— Что запомнилось еще?

— Во время выступлений на конференции Сталина слушали затаив дыхание. В зале заседания достаточно было ему только кивнуть головой — вся служба моментально на это отвечала. Я бы сказала так: Верховный говорил очень медленно и очень тихо. И было удивительно, как все его слушали. В зале заседаний Тегеранской конференции было не так уж много народа, всего человек двенадцать сидели за столом (если не десять). Был последовательный перевод. На первом пленарном заседании выступил вначале Рузвельт. Президент США сразу взял неформальный тон.

И меня поразило — никакой повестки дня. Просто — давайте поговорим, в семейной обстановке, мы все здесь собрались ради очень важной цели. Эта непринужденность меня удивила.

Сталин принял это совершенно спокойно — давайте. И после заседания меня многие с английской и американской стороны спрашивали — ну, как Сталин себя вел? Отвечаю — очень хорошо, лояльно, терпимо ко всему относился. Часто употреблял выражения «если мне не изменяет память», «если я не ошибаюсь».

Они говорят: не может быть! Это не тот Сталин, о котором мы знали. Такова была запоздалая реакция западного окружения. Поэтому, когда он говорил медленно, тщательно подбирая слова и формулировки, немножко с акцентом, в зале, пока не переведет Павлов, была необыкновенная тишина. Все было тихо-тихо. Только Черчилль иногда переспрашивал: «What did he say? What did he say?» — «Что он сказал?» То есть в какой-то момент ему не хватало терпения.

— Что можно сказать об остальных лидерах?

— Что касается Черчилля, то в этот период времени он был, безусловно, нездоров. Производил впечатление дряхлеющего человека. Во многом этому способствовала его грузность, избыточный вес. И он пыхтел постоянно сигарой, и его переводить надо было, безусловно, уметь. Он замечательный оратор. Мог произнести длинную тираду, говоря переводчику — не прерывай меня (для перевода). Переводчик был вынужден записывать за ним. Когда Черчилль говорил — он мыслил, и это было заметно. Иными словами, он выкладывал не заранее продуманные формулировки, а часто импровизировал.

У Рузвельта была другая манера речи. Какая-то вальяжная, свободная. Если вы не знали, что он инвалид, то и никаких оснований предположить это у вас не было. Особенно, когда он сидел за столом — высокий мужчина, пенсне поблескивает, говорит свободно, иногда слегка поднимая голову, чтобы получше разглядеть собеседника.

Переводчик Рузвельта, впоследствии ставший американским послом в России⁶², считал, что Рузвельт на Тегеранской конференции неправильно себя вел. Он не понял и недооценил Сталина и решил, что, если похлопать его по плечу, они будут как бы друзьями. Как будто богатый дядюшка приехал. Он вел себя с Черчиллем и Сталиным, как с бедными родственниками. И эта непринужденность один раз чуть не привела к кризису на конференции, но в остальном — сидели, беседовали и внимательно слушали друг друга.

Пленарные заседания начинались в четыре часа дня. Но дело все в том, что это только за столом переговоров, однако, кроме этого, были ланчи, встречи один на один, потом пленарное заседание, потом ужин. По существу, это было бесконечное общение. Просто не знаю, как выдержали все это переводчики. Стенограмм тогда не вели. Еще одно, с чем я столкнулась потом. Понимаете, не было официального протокола. И поэтому одна из причин разночтений именно в этом. У одних одна запись, у других другая. Стали сравнивать записи, они не всегда сходились. Это было лишней пружиной, которая позволяла нас «заводить» во времена «холодной войны». Дескать, вы там что-то не так прочли. Особенно это касается Ялты и Потсдама.

[...]

— Как вела себя делегация СССР на переговорах?

— Делегация СССР не только вела себя на равных — Сталин был хозяином, поскольку переговоры проходили на территории нашего посольства. Он был прекрасным восточным хозяином, но нарочито скромным. После церемонии вручения меча они все вышли на балкон, там и состоялась единственная съемка участников конференции.

⁶² Болен Чарльз Юстис (1904–1974), в 1943–1945 гг. сотрудник посольства США в Москве, затем в центральном аппарате Госдепартамента США, переводчик Рузвельта на Тегеранской и Ялтинской конференциях, в 1953–1957 гг. посол США в СССР.

Под конец произошло то самое главное, чего все так ждали, — оглашение даты открытия второго фронта. Когда 29 ноября 1943 года они разошлись после ужина, то его советник Гарри Гопкинс по просьбе Рузвельта поздно вечером пришел в британское посольство. О чем они там говорили, трудно судить, но, как потом лично мне передавали участники конференции, Гопкинс сказал Черчиллю: перестань дурака валять, давай назовем точную дату открытия второго фронта.

Следующий день — дата рождения Черчилля. Меня с утра вызывают и говорят: срочно готовься, будешь переводить Сталина и Черчилля, очень конфиденциальный и важный разговор. Арнольд Бирс потом рассказывал: «Я иду и думаю — вот неужели сейчас я узнаю эту историческую дату — день открытия второго фронта. Я один буду знать этот секрет! Как я его удержу?» Все чувствуют — кульминация!

Сталин очень хорошо принял Черчилля, хотя встреча не была запланирована. Сказал — пожалуйста, садитесь и поинтересовался как бы между прочим: ну, так как там со вторым фронтом? Черчилль ответил — сегодня за ланчем.

За ланчем собрались три руководителя стран антигитлеровской коалиции. Три руководителя и три переводчика — шесть человек. Там и была оглашена эта историческая дата. И 30 ноября 1943 года все уже расслабились, потому что решение уже принято и сегодня день рождения Черчилля.

Какие-то подарки нужны были. И это всех озадачило. От имени Гарримана кто-то из американцев поехал в город и купил большую холстину какого-то необыкновенного персидского шелка. Рузвельт поручил кому-то купить в магазине древностей вазу.

А Сталин был, как всегда, ко всему готов. Я случайно оказалась тем человеком, который сопровождал подарок Верховного Черчиллю — белую папаху, бекешу такого же цвета и ящик коньяка. Так я еще утром оказалась в зале английского посольства, где вечером ожидался прием. Мне разрешили войти в комнату, где стоял шикарно накрытый стол. Впервые в своей жизни я видела такое. Человек на тридцать был этот стол. Вечером состоялось празднование дня рождения Черчилля.

— Как прошел сам день рождения?

— Черчилль вызывает переводчика и говорит: ты сегодня самый главный — ты должен сидеть по левую руку от Сталина и вести себя как хозяин. Мало ли, как он будет вести себя за столом со всеми этими приборами. Смотри на его настроение, он первый раз на приеме такого уровня.

И вот когда собрались и начали пить коктейль, Сталин сказал: не понимаю, что это такое. Короче говоря, ему дали виски, но он сказал, что виски хорошо, а водка лучше. Когда он сел и увидел за столом такое разнообразие приборов, он сказал, что чувствует себя, как в музее, и попросил объяснить, как всем этим пользоваться.

Звучали хорошие тосты, но потом произнес тост Сталин. Переводчик Павлов в своей красивой дипломатической форме встал и начал было переводить. В этот момент как раз в зал вносят мороженое. И это мороженое по неловкости персонала вывалили на Павлова. Опять афронт. Все ожидали, как отреагирует переводчик Сталина, но он продолжал невозмутимо переводить. Такие мелочи, конечно, запоминаются.

После празднования Черчилль интересовался впечатлениями Сталина о дне рождения в целом — как Сталин, как он отреагировал? Как ему понравилось? Премьер-министру Великобритании передали, что Сталин себя чувствовал очень свободно, хорошо. Они с Рузвельтом были очень довольны.

— Больше никаких неожиданностей не было?

— Сталин сделал еще одну вещь. Он всегда делал неожиданные вещи. Верховный поворачивается к Бирсу и говорит: мне нравится, как меня обслуживают за столом. А ему прислуживал индус-сикх в чалме. Сталин интересуется: могу ли я его поблагодарить? Он поворачивается к сикху и говорит: большое спасибо, что вы меня так обслуживали, сегодня все так хорошо, такой важный день, день рождения премьер-министра Черчилля. Я хотел бы, сказал Верховный индусу, чтобы вы выпили бокал шампанского.

Сикх не ожидал подобного развития событий, не на шутку перепугался. Переводчик шептал сикху — выпей, выпей. Сикх смотрел на свое начальство и ждал команды. Потом все сразу задумались — а что мог означать этот жест Сталина?

Такие чисто человеческие ситуации, с одной стороны, выглядели диссонансом на фоне протокольных мероприятий, с другой — создавали определенную атмосферу и колорит этих встреч. Все чувствовали, что мы делаем большое дело.

30 ноября 1943 года конференция прошла свою высшую точку. 1 декабря погода изменилась в худшую сторону. Рузвельт стал опасаться, как он долетит. Конец конференции был немного скомканный, торжественного финала не было. Самым звучным аккордом, таким образом, были передача меча, день рождения Черчилля и подписание коммюнике.

[...]

Беседовал Михаил Ходаренок.

Опубликовано в: *Политический журнал*. 5 апреля 2004 г. №12(15).

Документ №5. Из отчета министра иностранных дел Великобритании А. Идена Кабинету министров Великобритании о Каирской и Тегеранской конференциях 1943 г.

Совершенно секретно.

Копия № 6.

Протоколы заседаний Военного кабинета (1943 г.). Решение №169. Запись №2.

Конфиденциальное приложение.

(13 декабря 1943 г. — 17.30 ч)

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ отмечает: тот факт, что конференция в Каире началась с обсуждения вопросов войны с Японией (вследствие присутствия Чан Кайши), был неблагоприятным с нашей точки зрения. В ходе обсуждения были согласованы операции, которые должны иметь место в Бирме, но Президент⁶³ взял на себе обязательство перед Генералиссимусом⁶⁴, что они будут сопровождаться десантной операцией в Индийском океане⁶⁵. Эта десантная операция могла быть осуществлена лишь за счет жизненно важных операций в Средиземноморье, она не была одобрена Премьер-министром⁶⁶. Генералиссимус покинул Каир спустя три или четыре дня, удовлетворенный тем, что он услышал, в то время как американцы и мы были вынуждены отправиться в Тегеран, не имея возможности принять решение о наших общих планах в Европе в 1944 году.

Конференция в Тегеране началась с запроса Маршала Сталина о том, чтобы наши планы были раскрыты. Президент дал затем обзор ситуации на Дальнем Востоке, после чего Сталин представил крайне интересное сообщение о ситуации на русском фронте, где он собирался продолжить оказывать давление [на немцев] на протяжении зимы, после чего, весной, должно последовать мощное наступление. Так как англо-американские планы не были согласованы, мы оказались в неудачном положении — необходимости обсуждать вопросы с американцами в присутствии русских и выразить наше несогласие с американским предложением о том, что и ОВЕРЛОРД, и ЭНВИЛ, и БУККАНИР — все они будут предприняты весной 1944 года. Премьер-министр проявил большое спокойствие в этих затруднительных обстоятельствах, и до завершения дискуссий удалось обеспечить принятие разумного решения. Детали было решено проработать на обратном пути в Каир. На протяжении этих сложных дискуссий позиция Маршала Сталина была дружественной и в наивысшей степени нацеленной на сотрудничество, регресса по сравнению с переговорами в Москве не произошло. Каждый вечер имелась возможность для близких бесед по самым различным политическим и военным вопросам, Премьер-министр и Маршал Сталин установили прекрасные отношения.

По возвращении в Каир необходимо было детальнее проработать наши планы. Путем спокойного убеждения Премьер-министр сумел донести до Президента тот факт, что ОВЕРЛОРД, ЭНВИЛ и БУККАНИР не могут быть проведены одновременно. В конце концов, Президент, на которого значительно повлияло заявление Маршала Сталина о позиции России в отношении Японии после поражения Германии, согласился телеграфировать Генералиссимусу о том, что БУККАНИР всецпе придется отложить. Ликвидировав тем самым огромное препятствие на пути общего решения, военная конференция завершилась в полном согласии и в атмосфере всеобщего удовлетворения.

[...]

В ходе Тегеранской конференции обнаружился один крайне интересный факт, а именно то, что Фельдмаршал [sic] Сталин очень критично настроен в отношении французов. Крайне неблагоприятное впечатление на него произвел Мистер Бержер⁶⁷, являвшийся французским послом в Москве в более ранний период войны. Он сказал, что французы не приложили по-настоящему серьезных усилий в эту войну, и он, безусловно, рассматривал французское государство как прогнившее. Он и Президент Рузвельт придерживались примерно одинаковых точек зрения в своих мыслях о Франции, полагая, что не все [колониальные] владения будут возвращены ей [после войны]. Президент Рузвельт, по всей видимости, держит в уме идею о том, что Соединенные Штаты могут получить Дакар; неплохо будет и нам получить Бизерту.

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ дал затем обзор дискуссий по вопросу границ Польши.

⁶³ Франклин Рузвельт.

⁶⁴ Чан Кайши.

⁶⁵ Операция «Букканир» («Пират») — план по высадке десанта на Андаманские острова в Бенгальском заливе.

⁶⁶ Уинстон Черчилль.

⁶⁷ Так в тексте: «Mr. Bergeret». По всей видимости, имелся в виду: Бержери (Bergery) Гастон (1892–1974), в апреле — июне 1941 г. посол правительства «Виши» в СССР.

Министр иностранных дел сообщил о заявлении Фельдмаршала [sic] Сталина о желании русских послать миссию к Тито. Было даже высказано предложение о желательности возможной отправки миссии к генералу Михайловичу. Они очень стремятся выяснить реальное положение дел, ясно подчеркнув, что желают работать вместе с нами в этом вопросе. По всей видимости, у русских до настоящего времени не было аккредитованного представителя при Тито. Между ними существовала, однако, радиосвязь, в войсках Тито есть и некоторые сбежавшие русские военнопленные.

Министр иностранных дел рассказал о своем предложении сделать на следующий день заявление в Палате общин с идеей о том, что правительство должно иметь возможность решать балканские вопросы со своими союзниками, как оно почитает нужным; если дать разыграться личным симпатиям и предпочтениям в отношении отдельных балканских лидеров или партий, сложится невыносимая ситуация. [...]

The National Archives of Great Britain. Cabinet Office 65/40/15.

Документ №6. Из отчета главы имперского Генштаба А. Брука Кабинету министров Великобритании о Каирской и Тегеранской конференциях 1943 г.

Совершенно секретно.

Копия № 4.

Протоколы заседаний Военного кабинета (1943 г.). Решение №174.

Конфиденциальное приложение.

(22 декабря 1943 г. — 12.15 ч)

ГЛАВА ИМПЕРСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА представил Военному кабинету обзор Каирской и Тегеранской конференций и его последующей поездки на итальянский фронт.

Прибытие Генералиссимуса Чан Кайши в первый же день конференции оказало двойное влияние на ход переговоров. Во-первых, учитывая дефицит времени перед отправлением Президента и Премьер-министра в Тегеран, не удалось последовать сложившейся практике и провести полноценные штабные переговоры по различным проблемам для выработки решения до их обсуждения на высшем уровне. Во-вторых, стало необходимым рассмотреть вопросы войны с Японией в качестве первого пункта повестки дня до принятия какого-либо решения по операциям в Европе. Таким образом, Комитеты начальников штабов США и Великобритании вынуждены были отправиться в Тегеран до того, как им удалось согласовать между собой удовлетворительное решение по вопросам высочайшего значения.

В переговорах с Генералиссимусом Президент взял на себя обязательство провести следующей весной операцию по высадке на Андаманских островах — операцию, которая должна была быть проведена преимущественно британцами, и в отношении которой британский Комитет начальников штабов не был настроен благожелательно. Была предпринята попытка обсудить с китайскими генералами различные планы в Юго-Восточной Азии и на китайском театре военных действий, но безрезультатно. Ясно, что они не имели полномочий выступать с предложениями или выражать свое мнение.

Конференция затем переместилась в Тегеран, где вновь переговоры с самого начала пошли на высшем уровне. Маршал Сталин настаивал на раннем проведении ОВЕРЛОРДА, а также был серьезно расположен в пользу одновременной операции на Юге Франции (ЭНВИЛ). Объединенный комитет начальников штабов провел встречу с Маршалом Ворошиловым, детально обсудив ОВЕРЛОРД и вопрос о дате его проведения. В конце концов, удалось достичь соглашения по этой операции, а также по операции на Юге Франции; русские при этом обещали провести в эти же сроки весеннее наступление.

Маршал Сталин дал ценную гарантию того, что он объявит войну Болгарии, если та выступит против Турции, при условии, что Турция вступит в войну, но он проявил мало интереса к ситуации на Балканах или к возможности открытия проливов⁶⁸. Русские, по всей видимости, не осознают военных преимуществ, которые можно получить в этой части света, хотя видимое отсутствие у них интереса может проистекать и из других мотивов.

[...]

The National Archives of Great Britain. Cabinet Office 65/40/18.

⁶⁸ Имелась в виду возможность открытия Турцией проливов для кораблей союзников по антигитлеровской коалиции.